

Александр Кучаев

**Реверс жизни, или
Исповедь миллиардера**

«Геликон Плюс»

2016

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кучаев А.

Реверс жизни, или Исповедь миллиардера / А. Кучаев —
«Геликон Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-082-8

Главные герои романа «Реверс жизни, или Исповедь миллиардера» совершенно разные люди, занимающие несравнимо далёкое друг от друга общественное положение. Николай Гудимов – искатель приключений, человек войны, способный вступить в схватку с численно превосходящим противником. Александр Кригерт – законопослушный гражданин, талантливый предприниматель, сумевший создать гигантскую промышленную империю. Но есть у них одна общая черта: готовность прийти на помощь к тем, кто оказался в большой беде.

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-082-8

© Кучаев А., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	31
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Глава десятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Кучаев

Реверс жизни, или Исповедь миллиардера

Глава первая

На изгибе судьбы

С Николаем Гудимовым я познакомился, когда время, казалось, отсчитывало последние минуты моей жизни.

Как сейчас, помню то погожее летнее утро: и влажный после вчерашнего дождя пахучий смолистый воздух, и прозрачные капли росы на траве, и жёлто-бурую песчанистую почву под ногами, и нежные солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев. И чёрные лакированные кузова дорогих автомобилей возле зарослей малины.

В лесу, куда меня привезли, с моих глаз сняли повязку и велели копать могилу.

Их было шестеро крутых молодцов, и я понимал и каждой клеточкой тела чувствовал, что даже с лопатой в руках ничего против них не сделаю. Ни физически, ни психологически я не был готов к этому, да и о навыках рукопашного боя, прямо сказать, имел весьма туманное представление.

Немного кружилась голова, к горлу подступал тошнотворный комок. Весь мир сузился до размеров этой поляны и мелкого жёлтого песка с произраставшей редкой травой. На меня навалилась слабость, и я еле стоял на ногах – сказывались и продолжительные побои, и ожидание неминуемой смерти, которой мне всё время грозили и которая сейчас предстала передо мной во весь свой зловеющий рост. Супесчаник легко поддавался, и, несмотря на изнурённость, я довольно скоро углубился более чем на метр.

– Всё, хватит, – послышалось за спиной. – Глубже ни к чему. Вонять не будет, и ладно.

Мне было велено вылезти из ямы.

Главный из бандитов, высокий худощавый мужчина с сильными жилистыми руками – лоб его перечёркивал хорошо заметный косой шрам, – приблизился почти вплотную и упёрся в меня чёрными бусинками холодных мрачных зрачков.

– Ну что, немчура, так и будешь упираться? – негромко, на одной ноте проговорил он. – Скажи только: «согласен!» – и смотри, и дальше будешь жить.

Слово «немчура» прозвучало потому, что фамилия моя – Кригерт и по национальности я действительно немец. Наши пращуры триста лет назад присягнули русскому царю и верой и правдой служили и ему, и новому отечеству. Мой прямой предок, тот, который первым из наших родичей приехал в Россию, отличился под Нарвой и Полтавой и был лично награждён из рук самого Петра. И позже потомки его ни разу не посрамили наш род.

Я тоже старался жить по совести, и на первом плане у меня всегда было стремление приносить пользу государству и трудовому народу. Тем более мораль и принципы людей, приехавших на поляну и готовившихся убить меня, казались особенно низменными и отвратительными. Людей, являвшихся пособниками Клеща, главного мафиози нашего Минуринска.

Почти все мои праотцы женились на русских девушках. Лишь один из них, находясь по долгу службы в Казани, взял в жёны татарочку по имени Альфия – дочку известного в то время местного интеллигента. Так что немецкой крови во мне было ноль целых ноль десятых. Тем не менее я и сам считал себя немцем, правда, русским, обрусевшим.

Что я мог теперь ответить моим палачам?!

Они требовали огромную ежемесячную подать, но мой начинающийся бизнес был в глубоком пролёте, я только что попался на удочку одного кидалы, и платить мне было нечем. Всё это я многократно объяснял, однако...

Главарь ударил меня финкой в бедро, и я закричал от нестерпимой боли.

– Убью, падла, на куски порежу! – в свою очередь выкрикнул мой мучитель, и острый нож вонзилось мне в плечо. На секунду потеряв сознание, я упал и скатился в могилу.

– Перестань, Шляхта, – послышался голос другого злодея, – сказано было закопать живьём, вот и давай.

– Ладно, Федя, живьём так живьём, – ответил Шляхта, продолжая немного злобиться. – Однако я не прочь бы ещё порезать этого фраера. А может, ты его слегка пощекочешь пёрышком?

– Руки не хочу марать.

– Молодой ты, Федюньчик, неопытный, крови боишься. Ладно, пусть будет по-твоему.

– Не боюсь я крови, а просто в точности выполняю приказы.

– Так руки не хочешь марать или в точности?...

В голосе, принадлежавшем Шляхте, послышался оттенок насмешливости.

– И то и другое.

Они скинули в яму обрубок жерди, накрепко привязали меня к нему спиной, стянув бечевой и руки, и ноги, таким образом обездвижив, чтобы я не мешал им закончить их чёрную работу.

Сделав усилие, я глянул вверх. Одни лишь искривлённые уродливым мышлением бандитские физиономии над прямоугольным ямным обрезом. Неужели это последнее, что проводит меня в мир иной?!

Первые груды земли уже обрушились на грудь, и я невольно всхлипнул и зажмурил глаза, ожидая, что сейчас начнёт заваливать и голову и нечем будет дышать. И вдруг наверху послышался какой-то стремительный хаотичный шум, сопровождаемый дикими воплями и стонами, страшный короткий хряст, глухие удары, топот ног и матерщина, пистолетный выстрел, за ним ещё один и раскатистое эхо, прокатившееся по лесу.

Ещё запомнились звуки падающих тел, сотрясение грунта, мелькание теней на бруствере могилы.

Всё это длилось не более двадцати пяти – тридцати секунд. Потом наступившую гробовую тишину нарушили чьи-то тяжёлые упругие шаги, и в яму спустился человек в морской одежде – в светлых, почти белых штанах и такого же цвета рубахе с синим отворотом; в разрезе рубахи на груди его виднелась полосатая тельняшка. В подобных одеяниях матросы выполняют различные работы на кораблях.

– Ну как ты тут, живой? – с заметной долей напряжения проговорил он, пылая глазами. Его грудь вздымалась и опускалась, словно кузнечные мехи. Незнакомец пытался перевести возбуждённое дыхание, но это ему удалось не сразу. – А-а, живой, вижу! Вовремя, значит, мы вмешались. Высвободив меня из грунта, он разрезал бечеву, которой я был привязан к жерди, и помог выбраться наружу.

Возле ямы там и сям в лужах крови и самых несообразных позах лежали все шестеро лиходеев. У одного чуть ли не полностью была снесена половина черепной коробки, у другого зияла ужасная рубленая рана на шее. Четверо других тоже не двигались и больше напоминали покойников, чем живых.

Я с ужасом переводил взгляд с одного тела на другое; меня замутило, но, слава богу, желудок был пуст, и я отделался только несколькими судорожными рвотными позывами.

Незнакомец развёл руками.

– Ну что было делать? – как бы оправдываясь, проговорил он, тоже оглядывая неподвижные тела. – В меня стреляли, и я чуть не получил удар лопатой в лицо, – он дотронулся кон-

чиками пальцев до неглубокой ссадины на щеке и посмотрел на алые пятнышки, оставшиеся на них. – Вот, видите, мазнули всё-таки сатаны. Хорошо, удалось уклониться. А дальше уж и не помню, как было. Кажется, лопата оказалась у меня в руках и...

Мне ещё больше стало нехорошо, в глазах потемнело, ноги подкосились, поляна и небо над ней поплыли куда-то в сторону.

Человек в морской робе подхватил меня подмышки и мягко опустил на землю.

– Эти выродки неплохо вас обработали, – сказал он, коснувшись рукой моей одежды, залитой кровью. – Один момент, я сейчас.

Он прошёл к внедорожникам, стоявшим в нескольких шагах, и вернулся с автоаптечкой.

– А я на рыбалку курс держал, хотел с удочками посидеть, в тишине побыть, – сказал он, обнажая и обрабатывая мои раны антисептическим раствором. – Тут совсем рядом озеро есть лесное, в нём рыбы – хоть руками лови! Я когда рыбачил там – ещё в детстве. Да, иду, значит, я, вдруг слышу за кустами крики, стоны. И столько в них было боли и тоски безмерной!.. Это вы, видать, кричали, когда они ножичком-то вас. Стоп, машина, говорю себе, право руля! И, значит, на шумок и двинулся. Пробрался через кусты, смотрю, а тут такое дело! Они совсем уж приготовились вас порешить. Ну как было не вмешаться!?

Закончив обработку антисептиком, мой спаситель вскрыл упаковку со стерильным бинтом.

– Кстати, звать меня Николай Гудимов, моряк дальнего плавания.

По всей его фигуре и слаженности движений видно было, что он силен и ловок, как гигантская кошка.

Но ведь и на поляне находились бывалые люди, поднаторевшие в бандитских разборках, готовые ко всему и тоже очень сильные и ловкие!

Поэтому я не переставал удивляться, как он решился прийти мне на помощь при такой грозной смертельной опасности.

– Как вы не побоялись схватиться с ними! – воскликнул я, не удержавшись.

– Не побоялся... – мой спаситель усмехнулся со вспыхнувшей злобой и жёсткостью. – Слышали, поди, такое: в Кейптаунском порту, с какао на борту «Жанетта» поправляла таке-лаж? Ваш покорный грациозо объездил много стран и не раз участвовал в портовых драках. И не только портовых.

– И всегда с подобным результатом? – снова спросил я в каком-то нервном возбуждении, в очередной раз посмотрев на распростёртые, окровавленные тела.

– По-всякому бывало.

– Но и со смертельным исходом тоже?

– Да кто его знает! Не будешь же проверять каждого?! Примочишь кулаком какого-нибудь любителя острых ощущений, видишь, лежит, ну и ходу. Что уставились так на меня? Как, по-вашему, в таких случаях надо действовать – дожидаться, когда полиция появится?!

– И что, вы сами и зачинали эти драки? – Потом мне не раз вспоминался этот наш противоестественный разговор, и я всё удивлялся, как у меня хватало сил на какие-то вопросы, когда кругом лежали трупы людей и я тоже весь был избит и ранен.

– Зачем сам, нет, конечно, – ответил Гудимов, накладывая бинт на моё всё ещё кровоточащее плечо. – Но ведь конфликтные ситуации могут возникнуть на каждом шагу. Взять, к примеру, наш нынешний случай. Что бы мне стоило пройти мимо? Как многие бы и сделали! Однако я вмешался, и вот мы разговариваем тет-а-тет.

– А как теперь с ними? – сказал я, показывая взглядом на поверженных злодеев. – Они что, так и останутся лежать здесь?

– Это их проблемы. Если с каждым нянчиться... Закончив перевязку, моряк встал и отряхнул брюки; затем, оглядевшись, сделал несколько шагов между телами и наклонился раз и другой, что-то подбирая с песчаной земли. Сквозь полумглу нахлынувшей дурноты мне при-

виделся какой-то чёрный предмет у него в руках, похожий на пистолет. Старший из бандитов, которого называли Шляхтой, застонал, зашевелился и стал приподниматься. Мой спаситель подошёл к нему и совершенно хладнокровно, словно выполняя будничную работу, ударами ногой по голове вернул его в прежнее неподвижное состояние.

– Всё, пора убираться отсюда, – сказал он, поворачиваясь ко мне.

Бандиты приехали в лес на двух внедорожниках. Один из них Гудимов поджёг, на другом мы тронулись в сторону города. Едва «Лендровер», в котором мы находились, преодолел несколько десятков метров, сзади бахнул взорвавшийся бензобак.

За километр до городской окраины Гудимов утопил в реке второй автомобиль, спихнув его с крутого обрыва.

Глава вторая

В убежище

Потрясение, испытанное на лесной поляне, и истязания, предшествовавшие ему, не позволяли мне находиться в черте города.

Меня преследовал непреходящий тягостный страх, заставлявший вздрагивать при каждом шорохе и стуке; я постоянно чувствовал себя в западне среди каменных коробок многоэтажных домов. Люди Клеща мерещились на каждом углу и в каждой подворотне. Сердце сжималось при виде каждой чёрной машины, проезжавшей по улице.

Всё же мне хватило смелости заглянуть в квартиру, где я проживал, чуть ли не полностью разгромленную бандитами – вероятно, сразу после того, как меня увезли на расправу.

Дверь была замкнута, но у тёти Лиды, моей соседки, находился запасной ключ. Она ахнула, увидев меня в испачканной кровью, растерзанной одежде.

– Вот так, тётя Лида, – сказал я, конфузясь и разводя руками. – Иногда случаются странные вещи.

– Да кто ж тебя так, милый?! – тихо воскликнула соседка.

– Лучше не вспоминать.

Гудимов открыл дверь, и мы с ним прошли в квартиру.

– Ничего себе, – сказал он при виде представившегося разрушения. – Это твои убийцы так постарались?

– Кто же ещё, они, конечно.

– Искали, должно быть, что-то.

– Наверное.

Моряк задел ногой разбитую гитару, валявшуюся посреди пола. Раздался глухой меланхолический звук.

– Ваша?

– Моя. Поигрывал иногда – для отдохновения души.

Среди разбросанного имущества нашлись более-менее уцелевшие брюки и рубашка, и я переоделся. Из сохранившегося тайничка за обоями достал несколько крупных денежных купюр – все, что в нём были; мы наняли такси и поехали ко мне на дачу, некогда приобретённую мной в нескольких километрах от города.

Шесть соток земли, небольшой домик о двух комнатках, сарай для огородного инвентаря, «скворечник» в противоположном от домика конце участка и простейшая открытая беседка с мангалом в центре этой «роскоши».

Территория участка была хорошо защищена от посторонних глаз зелёной стеной декоративного винограда, теснившегося на двухметровом заборе – по всему внешнему периметру моего владения.

Внутри забора из насаждений – несколько молодых плодовых деревьев, куст орешника-лещины, короткая поросль малины в дальнем от калитки углу, грядка петрушки и сельдерея и ровный ковёр тёмно-зелёного газона, прорезанный узкой гравийной дорожкой от калитки до домика с ответвлениями к остальным постройкам.

Вот, собственно, и всё, чем я в то время располагал на лоне природы.

Тогдашняя моя «фазенда» хорошо вписывалась в сотню с лишним владений других небогатых собственников, входивших в наш дачный кооператив, и была с ними, так сказать, на «одно лицо». И об этом убежище практически никто не знал, не считая бывшего владельца и нотариуса, оформлявшего моё приобретение.

Не реже одного раза в неделю я приезжал на участок для отдыха от напряжения деловой жизни и городской суеты. Обкашивал траву тихо жужжавшей электрической газонокосилкой, пропалывал единственную грядку огородной зелени, вносил удобрения и включал дождеваль-ные установки.

А то и просто бездельничал, проводя время за созерцанием волшебного царства расте-ний и прослушиванием песнопений воробьёв и прочих пернатых, любивших чирикать и тонко верещать в зелёных ветвях кустарника и деревьев.

Иногда, опрокинувшись на спину, я опускался на пружинистый травяной ковёр и подолгу вглядывался в прозрачную небесную синеву, пытаюсь отыскать там НЛО или ещё что-нибудь экстрaneoбычное. В такие мгновения навевались мысли и о Творце, и о возможности проник-новения в знания, которыми Он располагал, и о использовании их в созидательных целях. Но все мои усилия этого направления оказывались тщетными.

Вот сюда я и прибыл с человеком, который стал моим верным надёжным другом и кото-рый ещё не раз выручал меня из беды.

По пути, исполняя пожелание моего спутника, я загрузился в черновском магазине (Чер-новка – деревенька, начинавшаяся прямо от нашего кооператива) двумя бутылками водки, закуской и сигаретами.

Окинув взглядом усадьбу, Гудимов одобрительно кивнул головой, закурил и без каких-либо предисловий начал обустраиваться за беседочным столом.

– Стаканы! – коротко бросил он, выгружая из полиэтиленовой сумки спиртное и про-дукты. Когда я, прихрамывая от боли в раненом бедре, вернулся с тарой для питья, стол был уже накрыт.

– За вас! – сказал он, чокаясь со мной. – За то, что остались в живых. И чтоб и впредь жили – счастливо и богато, наперекор всем врагам, настоящим и будущим.

После второй Гудимов в очередной раз закурил и благодушно откинулся на спинку стула. Напряжение и суровость, вызванные схваткой в лесу, кажется, окончательно покинули его, и он уже в полной мере довольствовался кайфом, получаемым от сигареты и выпивки.

– Ну а теперь расскажите, друг мой любезный, – сказал он, прищуренно глядя на меня, – за что эти «добры молодцы» хотели лишить вас жизни таким зверским способом?

Мне показалось, что он весьма скептически оценивает мои физические данные. Да и как было не проявиться скептицизму! Я хоть и был 177 сантиметров роста, но при этом особо раз-витой мускулатурой не отличался. Словом, внешне выглядел так себе; хорошо, если дотягивал до обычного середнячка, каких на улице чуть ли не каждый второй, и являл собой обычного смиренного, законопослушного обывателя.

Даже выражение лица моего было кротким, как у ягнёнка. Об этом мне говорили мои доброжелатели. А посему выходило, что я никоим образом не мог проявить агрессию и дать повод для ответной агрессивной же реакции, тем более столь жестокой.

– Это были рядовые бандиты, – сказал я, не без содрогания вспоминая яму посреди поляны. – За главного у них Эдуард Сокальчиков по кличке Клещ, ныне довольно крупный биз-несмен, а в прошлом... Прошлого его покрыто мраком и неизвестностью. Этому Клещу много чего принадлежит начиная от магазинов и ресторанов и кончая разными ОАО по производству металла, химической и кабельнопроводниковой продукции. Большую часть предприятий он захватил рейдерским способом.

– Рейдерским? – переспросил Гудимов.

– Да. Через поддельные документы в судах. А когда такой способ отжатия имущества не удавался, пускал в ход силовые методы. Вплоть до убийства. И это ещё не всё. У Сокальчикова целая армия военизированных исполнителей, замаскированных под частную охранную орга-низацию. Он держит в страхе весь город, и каждый мало-мальски оперившийся предпринима-тель платит ему дань.

– А куда смотрят правоохранительные органы? – Мой новый друг достал из брючных карманов один пистолет чёрного цвета, за ним – второй, положил их перед собой на столе и стал разбирать и собирать – не спеша, спокойно, невозмутимо, как будто проделывал привычную работу, выполняемую по сто раз на день.

По всей видимости, именно это оружие он и подобрал на лесной поляне.

Я неловко повернулся, и рана в плече, и прежде напоминавшая о себе, заломила ещё сильнее. Издав невольный стон, я схватился за повреждённое место другой рукой.

– Что, болит? – спросил моряк и, не дожидаясь ответа, сказал: – Я вроде как следует обработал ваши порезы – не должно быть никаких осложнений. А что побаливает, так это пройдёт.

– Насколько мне известно, – ответил я, после того как рана успокоилась, – правоохранительные органы смотрят Сокальчикову в рот, имея немалую долю от его бизнеса, да и сами напрямую не гнушаясь заниматься поборами.

– И что же Сокальчиков со товарищи хотели от вас? Я рассказал о сути дела.

– Они хотели меня «примерно наказать». Чтобы это послужило уроком для всех остальных. Способ наказания вам хорошо известен – вы всё видели своими глазами.

– Да уж, видел – врагу такого не пожелаешь.

– Для местных бандитов это в порядке вещей.

– Судя по тому, что я услышал, – сказал Гудимов, – ваш бизнес не такой уж значительный и только зарождающийся. На их месте сначала я дал бы вам как следует опериться, встать на ноги и только потом доил из вас деньги.

– У Клеща и его окружения, видимо, на этот счёт другая точка зрения. И они не привыкли церемониться. Возможно, их ещё раздражала моя фамилия.

– Какая?

– Кригерт.

– Вы – немец?

– Да. На некоторых, особенно на неинтеллектуалов, это действует, как красная тряпка на быка.

– Это правда. И я встречал таких – с куриными мозгами, рассчитанными только на поглощение их владельцами продуктов питания и отправление естественных надобностей.

Гудимов закурил ещё одну сигарету, и табачный дым повалил из его рта и ноздрей, как из паровозной трубы.

– А вы стойкий, – сказал он, выпустив ещё один клуб дыма.

– Что вы имеете в виду?

– Тайничок-то с деньгами так им и не раскрыли.

– Думаете, я помнил о тайниковых деньгах? И эта сумма всё равно бы их не устроила – они так и продолжали бы меня терзать.

– Как знать, как знать.

– Думаю, они от меня не отстанут, – сказал я, по мере возможности уклоняясь от едкого запаха, заполнившего чуть ли не всё пространство беседки. – Тем более после того, что случилось в лесу с их сподвижниками. Последнее болезненно ударит по репутации «хозяев» города. Поэтому бандиты землю будут рыть, а меня обязательно... Надо уезжать. Срочно. И чем дальше, тем лучше. Боюсь только, они дотянутся до меня везде, где бы я ни был.

– Ну это ещё большой вопрос – дотянутся или нет! По крайней мере, не сейчас и даже не сегодня. Вон какое у вас убежище! Надо же так ловко укрыться среди этих дачек! И все заборы с виноградником как под копирку – один на другой похожи. Тут сами хозяева дорогу к себе не сразу найдут.

Мой спаситель, конечно, шутил насчёт надёжности убежища, и скорее всего это была черта его характера – подшучивать подобным образом в скверной ситуации.

Мы опрокинули ещё по одной. Несмотря на треволнения, после третьей стопки меня неудержимо потянуло в сон, и я, не раздеваясь и не разбирая постели, улёгся на кровати в одной из комнат домика. Гудимов же остался в беседке и сидел там, пока не допил всю водку и не доел всю закуску.

Не удовлетворившись этим, он отыскал мою огородную одежду и переоделся в неё. Вероятно, для маскировки – морская форма была бы уж очень приметна на улице, а лишний раз засвечиваться было ни к чему.

Как он натянул на себя моё барахло, ума не приложу – плечи-то у него были ого какие широкие. Уже через минуту одежонка моя пошла по швам, сначала именно на плечах, а потом и по всем остальным сшитым местам.

Переодевшись, моряк извлёк содержимое моего кошелька и отправился во всё тот же черновский магазин. Затарившись ещё тремя бутылками водки и соответствующим количеством разного съестного, он вернулся, вновь расположился в беседке и продолжил пиршество.

Когда во второй половине дня я проснулся, Гудимов сидел у моего изголовья и внимательно смотрел на меня.

– Как самочувствие? – спросил он с едва заметной ухмылкой.

– Не очень.

У меня действительно было прескверное состояние и души, и тела. Кроме давешней выпивки, должно быть, продолжали сказываться и побои, полученные мною, и нервное потрясение от пережитого на лесной поляне и до него.

– Вот, похмелитесь, – сказал моряк, поведя глазами вбок от себя.

На прикроватной тумбочке меня ожидали полстакана водки и внушительных размеров ломоть хлеба с колбасой, сыром и сливочным маслом.

Я был небольшой любитель спиртного, но мне действительно надо было как-то встряхнуться, поэтому я поднялся с постели и выпил предложенное. Как ни странно, у меня пробудилось желание поесть, и я принялся за бутерброд.

– Так, говорите, люди Клеща достанут везде, где бы вы ни были?!

– Скорее всего, так, везде, – ответил я, продолжая поглощать закуску.

– А что если нам действовать на опережение? – со значением сказал Гудимов, прострелив меня холодным немигающим взглядом.

– Как это – на опережение? – переспросил я.

– А так. Они захотят достать нас, но мы будем действовать оперативней и застанем их врасплох. Точнее, мы займёмся одним лишь Клещом. После того как мы с ним разделаемся, его подручным будет не до преследования каких-то двух типов, не представляющих собой ничего особо опасного и значительного.

У меня кусок остановился в глотке. Я стал догадываться, куда он клонит.

– Я не могу участвовать в этом, – сказал я, еле выговаривая слова. Во рту мгновенно пересохло, язык перестал ворочаться. – Я не готов к подобному, и вообще...

– Зато я готов, – ответил Гудимов. Он запалил, наверное, уже сто первую сигарету за этот день и пустил к углу потолка длинную трёхметровую струю дыма. – Меня они тоже теперь постараются достать, так что... Если только их не нейтрализовать вовремя. Ваше участие в предстоящем деле будет незначительным. Обезглавим банду, и она сама рассыплется.

– Ничего она не рассыплется, – мне кое-что было известно о суровых порядках в преступной группировке, подмявшей под себя город, и как там мстили за своих. – На смену Клещу придут его не менее жестокие сподвижники, и они так и будут преследовать нас, только с ещё большей настойчивостью. Говорю, их там целая армия.

Мы включили телевизор. По местному новостному каналу – как по заказу – шла передача о зверской кровавой расправе, учинённой над группой молодых людей, приехавших в лес на пикник.

Интервью пресс-секретаря следственного комитета сменилось рассказом одного из пострадавших на лесной поляне – того самого Шляхты, который дважды ударил меня ножом. Только прозвучала не кличка его, а фамилия – Поляков. Скорее всего, она и стала определяющим словом для клички, или погоняла, как принято говорить в бандитских кругах.

Затем прошла видеосъёмка с места происшествия, и был показан фоторобот, весьма похожий на моего моряка и в морской же форме.

Прозвучала и кругленькая сумма, назначенная за информацию о нахождении «преступников». Экран телевизора в достаточно полном объёме и во всей «красе» представил страшную картину совершенного злодеяния.

Я нажал кнопку выключения и посмотрел на Гудимова, а он – на меня.

Несмотря на выпивку, я достаточно трезво оценивал ситуацию: теперь против нас ополчатся не только бандиты, но и вся правоохранительная система города. Действительно, самым разумным было только одно – удариться в бегство. И как можно скорее.

Мне показалось, что так же реалистично воспринимает происходящее и Николай. Но это было моим заблуждением.

– У меня есть «Нива» модели первого выпуска, – негромко проговорил я, нарушая установившуюся тишину. – Это в гараже на окраине города. Машина на ходу и во вполне приличном состоянии.

– Не будем спешить с «Нивой», – сказал Гудимов, о чём-то размышляя. – Мне кажется, эта дача действительно надёжное убежище и сколько-то времени мы можем находиться здесь в безопасности. Лучше расскажите всё, что знаете о Сокальчикове: где живёт, есть ли у этого типа охрана, его распорядок дня, где он бывает.

– Что вы задумали? – Мой вопрос относился к разряду риторических – ответ на него вытекал из фраз, прозвучавших пять минут назад. Мне подумалось о водителе такси, который довёз нас до Черновки, и о продавщице местного магазина, отпускавшей нам выпивку и закуску. Гудимов слишком приметная фигура, чтобы никто не обратил на него внимания и не запомнил. Не исключено, что в милиции уже знают о нашем местонахождении и...

– Пока ничего особенного не задумал, – ответил моряк. – А там посмотрим. Я хотел бы как можно больше узнать об этом человеке.

Со слов Гудимова мне было известно, что он провёл в нашем городе детство и отрочество и после многолетнего отсутствия приехал проводить когда-то родные места.

Остановился он у одной женщины – Марии Всеславской, – с которой учился в школе и даже сидел с ней за одним из классных столов, заменявших парты. У неё находились все его вещи, которые он привёз с собой, в том числе гражданская одежда, предназначенная для повседневной носки.

Когда вечерние сумерки сгустились, Гудимов сказал, что ему надо позвонить. Скорее всего, он хотел пообщаться по телефону с этой самой Марией – с кем же ещё?

Пообещав скоро вернуться, он вышел за калитку и отправился в Черновку, где находился единственный таксофон. Я стал с нетерпением ждать, с чем он придёт обратно. Однако прошёл час, другой, а моего нового знакомого всё не было. Я не смыкал глаз до утра, но моряк так и не появился. В такой ситуации не знаешь, что и думать. Меня не переставали терзать мысли, что Гудимова уже схватили и вотвот придут и за мной и надо срочно бежать. Только куда бежать и как это сделать?!

У меня был только один приемлемый вариант: дожидаться следующей ночи, добраться до гаража с запертой в нём «Нивой» и на полной скорости умчаться подальше от этого города.

Но вдруг Гудимов всё же на свободе, а я поеду без него! И кем тогда я буду выглядеть и в его, и собственных глазах?

Словом, я был в совершенной растерянности и так и не сдвинулся с места.

А в первых утренних новостях местное телевидение передало срочное сообщение о том, что в ночном развлекательном клубе «Артишок» в своём личном кабинете убит владелец этого заведения, известный предприниматель и благородный меценат, душа города Эдуард Сокальчиков.

Признаться, я чуть с ума не сошёл при этом известии и несколько минут сидел словно парализованный. Мне сразу стало понятно, чьих это рук дело и какие роковые последствия оно может иметь для Гудимова. И для меня, разумеется.

Теперь уж точно от банды Клеща не уйти, и она будет преследовать и найдёт, даже если спрятаться на дне морском. И прятаться придётся не только от бандитов, но и от розыскной системы всей страны. И даже от Интерпола, если удастся сбежать за границу.

Весь день я не находил себе места, каждое мгновение ожидая звонка в калитку и появления милиции с наручниками для меня.

Пометавшись по участку, я снова возвращался к телевизору и видел на экране жителей города с призывами найти и сурово покарать убийц. То и дело звучали требования о возврате смертной казни, с тем чтобы задним числом приговорить изуверов к расстрелу.

Из поступивших сообщений я узнал также, что неизвестные преступники свернули Сокальчикову шею и что бездыханного бизнесмена обнаружил директор ресторана, зашедший к нему по какому-то пустяковому вопросу.

Досужие журналисты словно соревновались между собой в подаче темы убийства, повсякому смакуя её, строя разные версии и испрашивая мнение тех или иных представителей уголовного розыска и прокуратуры.

По мнению одних рассказчиков выходило, что киллеры поднялись в кабинет владельца клуба прямо из ресторанного зала, другие говорили, что это маловероятно и скорее всего злоумышленники пробрались через чёрный вход и подсобные помещения. Третьи упоминали вентиляционную шахту и даже каминный дымоход – мол, убийцы могли забраться на крышу здания по пожарной лестнице, а уже оттуда...

Мне же словно наяву виделось, как жестокий, не знающий пощады злодей в морской форме хладнокровно, не покривившись ни единой чертой лица, проделывает своё чёрное дело.

Откровенно сказать, кровь стыла в жилах при виде картинок, нарисованных воспалённым воображением. Я никак не мог избавиться от тяжёлого страшного взгляда этого человека, своими повадками мало чем отличавшегося от бандитов, которые хотели похоронить меня на той злополучной лесной поляне.

Ясно, что судьба свела меня с типом, для которого посягновение на жизнь другого человека было обыденным рутинным делом. Смутное осознание этого приходило ко мне ещё в первые минуты нашего знакомства, а теперь... Вспомнилось, почувствовалось его невероятной силы железное рукопожатие, и я машинально обтёр ладони о рубашку.

Гудимов появился только через три дня после убийства Сокальчикова, уже под вечер. Он был в гражданской одежде, состоявшей из летней тёмно-синей джинсовой куртки и ещё более тёмных синих же брюк. На самые глаза была надвинута широкая, «аэродромного» типа серая кепка. Чуть ли не половину лица закрывали большие чёрные очки.

В руках он держал два внушительных размеров полиэтиленовых пакета с какими-то покупками и баул с личными вещами.

Я не сразу узнал в нём недавнего спасителя, настолько новая одежда преображала его. Не скрою – при виде переодетого моряка нервы мои ещё больше напряглись и бешено заколотившееся сердце готово было выпрыгнуть из груди. На лице выступила холодная испарина.

Мы прошли в домик и повернулись друг к другу.

– Это вы убили Сокальчикова? – почти шёпотом спросил я. Меня не переставало трясти от страха.

– Да что вы, нет, конечно, не я, – совершенно невозмутимо ответил Гудимов. – Вы же сами сказали, что на место этого типа придут другие и что они всё равно от нас не отстанут! В таком случае какой смысл было совершать убийство? Да и, сами подумайте, как бы я пробрался к нему в кабинет, не зная ни входов, ни выходов в ресторанном здании, да мимо охраны, которая наверняка там была? Нет, я думаю, это сделал кто-нибудь из его своры, какой-то сотоварищ, пожелавший занять его место. Или не поделивший с ним что-нибудь.

– Где же вы были всё это время?

– Где я был? У женщины, ради которой приехал в ваш город, у Машеньки Всеславской, моей бывшей одноклассницы. Надо же было попрощаться с ней перед отъездом.

Мой визави говорил так спокойно и убедительно, что даже в те минуты я почти поверил в его непричастность к чрезвычайному происшествию в «Артишоке». Позже, размышляя об этой истории, я только ещё больше укрепился в невиновности Гудимова.

Но до чего удобно было в тогдашней ситуации повесить убийство бизнесмена единственно на проезжего моряка! Многие следователи воспользовались бы именно этой версией.

Тем временем Гудимов стал выгружать содержимое пакетов: поллитровку водки, хлеб, сыр, колбасу, буженину и бутылки минеральной воды.

– Мне подумалось, – сказал он, – что мой друг Александр Кригерт, подобно мыши, сидит на своей дачке и носа не смеет высунуть за калитку. Сидит холодный, голодный. Дай-ка, думаю, привезу ему чего-нибудь съестного.

Моряк был прав. В течение всех этих трёх суток я действительно ни разу не осмелился покинуть пределы своей усадьбы, и к моменту его возвращения у меня даже чёрствого куса хлеба не осталось. Отказавшись от спиртного, я всё внимание уделил продуктам питания. Мой же сотрапезник за какие-нибудь полчаса одолел всё содержимое поллитровки.

– Теперь надо вздремнуть, – сказал он. – Перед дальней дорогой, – и, встретив мой вопрошительный взгляд, добавил: – Мы ведь собираемся драпать, я не ошибаюсь? Или мы так и будем всю жизнь сидеть на вашей фазенде?

Глава третья

Бой на кукурузном поле

С наступлением сумерек мы вызвали такси и доехали до моего гаражного кооператива.

Старушка «Нива» 1976 года выпуска завелась, едва только я повернул ключ зажигания. Несмотря на возраст, автомобиль был в прекрасном состоянии. На ремонт раритета я потратил больше его продажной стоимости.

– Почему же, – шутливо и с прищуром глаз спросил Гудимов, – в дачный посёлок мы не поехали на этой редкости? Пожалели машинёшку, да?

– Нет, не пожалел, – сказал я, не принимая шутки. – Как-то выскочила она из головы. Торопился я очень. Наверное, на меня подсознательно давило не мотаться по городу – до квартиры, потом в гараж, – а поскорее выбраться из него. Чтобы быть подальше от бандитов.

На первой же заправке залили полный бак. Остановили нас километрах в пятнадцати от Минуринска. На контрольно-пропускном пункте ГАИ. Двое в милицейской форме.

Инспектор с погонами лейтенанта назвал свою должность, звание и фамилию и потребовал предъявить документы.

Не выходя из машины, я протянул ему права и всё остальное, что полагалось в таких случаях.

Второй инспектор, сержант с короткоствольным автоматом, стоял в двух шагах и с безучастным видом наблюдал за происходящим.

Офицер заглянул в мои корочки, затем бросил взгляд на меня и моего спутника.

– Придётся подождать, – сказал он, почесав у себя за ухом и делая видимость рассеянности. Однако артист он был плохой – глаза его словно подёрнулись ледком, и на лице проявилось почти неуловимое напряжение.

– В чём дело? – спросил я как можно спокойнее.

– Простая формальность.

Лейтенант буркнул что-то второму милиционеру, прошёл в помещение поста, и мы увидели, как он разговаривает с кем-то по своим средствам связи. Тем временем сержант, отступив ещё на пару шагов, взял автомат половчее и как бы случайно направил ствол в нашу сторону.

– Ну вот и началось, – тихо проговорил Гудимов.

В противоположность милиционерам, похоже, он даже расслабился и повеселел, словно собираясь на цирковое представление. Толчок мне в плечо. – Не дрейфить и быть наготове, сейчас дадим дёру.

Вытряхнув из пачки сигарету, моряк вышел из машины и шагнул к сержанту.

– Слушай, друг, дай прикурить!

– Стоять! – крикнул инспектор, вскидывая автомат.

– Стою, стою! – ответил Гудимов, продолжая движение. – Э, да что это с ним?! – вдруг громко вскрикнул он, показывая на светящееся окно КПП.

Сержант оглянулся, и этого хватило, чтобы Гудимов нанёс ему рубящий удар ребром ладони по шее. Другой рукой он выхватил у него автомат. Страж правопорядка упал. Прогрелась короткая очередь, ещё одна, и милицейская машина с синей продольной полосой по всему кузову опустилась на пробитые шины.

Лейтенант в освещённом окне постовой будки изумлённо вскинул голову, стараясь понять, что происходит, затем как-то очень уж медленно расстегнул кобуру и начал доставать пистолет.

Я повернул ключ зажигания. Мотор сразу заработал. Отбросив оружие, Гудимов рванул дверцу и влетел в салон автомашины. Удар по газам – и, завизжав покрышками, «Нива» устремилась на дорогу.

– Мы совершили нападение на стражей закона, – сказал я по прошествии нескольких минут.

– Это точно, совершили, – отозвался Гудимов. Он зашевелился, выполняя знакомые движения, предшествующие процессу курения; вспыхнул огонёк зажигалки, и салон автомобиля начал заполняться удушливым табачным дымом. – Совершили, – повторил он. – И теперь нам обоим гарантирован немалый срок. Если попадём в лапы «пра-во-су-дия».

Последнее слово он произнёс с нажимом и по слогам.

Дорога была пуста, мы были одни, и это привносило сдержанный оптимизм.

Но вот сзади, на взгорке, который мы пролетели с полминуты назад, засветились яркие фары быстро приближающихся автомобилей; это были два легковых авто, державшихся на неизменной дистанции один от другого.

Мы сразу поняли, что это за нами. Я выжимал из своей «Нивы» максимум возможной скорости, но преследователи неуклонно приближались.

– Сворачивай! – крикнул Гудимов, заметив впереди слабо обозначенную просёлочную колею. Он неестественно сладко, с заметной долей приторности улыбнулся, потягиваясь всем телом. Должно быть, так его организм реагировал на опасность.

Резкое вращение руля вправо, «Нива» соскочила с гладкого асфальта и запрыгала на кочках и ухабах просёлка.

У меня затеплилась надежда, что за нами гонятся на обычных седанах и по бездорожью от них удастся оторваться. А может, вообще никакой погони нет, опасность только почудилась, и по трассе мчатся случайные попутчики, торопящиеся куда-то по своим делам.

Однако оба автомобиля повернули на тот же просёлок, и это были внедорожники. Дистанция между нами продолжала сокращаться. В переменчивых лучах чужих фар в руках Гудимова матово взблеснул чёрный пистолет.

Сзади раздался частый стук автоматной очереди. Спустя несколько секунд стук повторился, и по крыше машины дзынькнул резкий сверлящий удар.

Моряк опустил боковое стекло, высунулся в окно и выстрелил в ответ. Послышался слабый звук разлетевшихся осколков, и одна из фар автомобиля, непосредственно следовавшего за нами, погасла. Ещё выстрел, и пространство сзади нас на некоторое время погрузилось во тьму.

– Вот так, салаги, с нами шутки плохи, – кривясь в улыбке, негромко проговорил Гудимов. И встретив мой заинтересованный взгляд, добавил: – Когда-то я был одним из лучших стрелков в бригаде.

– В какой ещё бригаде?

– В бригаде морской пехоты. Четыре года отпахал в пехтуре. Три из них – сверхсрочником. Это я после уж в мореходку подался.

– И доводилось бывать в горячих точках?

– Доводилось. На далёком юге. Бо-оль-шая такая пребоольшая точка была.

Отставшая было погоня вновь приблизилась. Внедорожники, следовавшие за нами, поменились местами, и мы снова оказались в свете бандитских фар.

Но сзади поняли, что имеют дело с настоящим снайпером, и держались теперь на расстоянии, недостижимом для пистолетных выстрелов. Мы же постоянно находились под автоматным огнём. Несколько раз пули вскользь задевали кузов машины и с визгом уходили в сторону.

Я пригнулся к самому рулю. Гудимов тоже, насколько позволяли размеры его большого тела, сполз на пол кабины, укрываясь за ненадёжной спинкой сиденья.

От нервного напряжения взмокли грудь и шея и спеклось во рту; ожидание более точных выстрелов становилось невыносимым. Вот сейчас, вот...

И действительно, довольно скоро две пули одна за другой прошили заднее и лобовое стёкла; отверстия, паутина трещин, ещё попадания, и стёкла посыпались множеством тупых фрагментов. В лицо ударил холод встречного ветра.

Сразу же вслед за этим были пробиты оба левых колеса. Машину резко потянуло в сторону, мы выскочили с просёлка на молодые посевы кукурузы и едва не опрокинулись. Мне удалось повернуть на дорогу, но руль стал таким тяжёлым и непослушным, что удерживать его едва хватало сил.

Однако опасность подстёгивала, я продолжал давить на газ, и машина двигалась вперёд.

Слава Высшей силе, мы достигли лесополосы, уже некоторое время видневшейся впереди, пересекли её и, заглушив мотор, остановились за деревьями.

– Вот, возьмите, – чётко, почти ультимативно сказал Гудимов, протягивая мне один из пистолетов, имевшихся в его распоряжении. – Укройтесь здесь где-нибудь и побахайте по этим воякам, отвлеките их на себя. Только больного не высовывайтесь, не подставляйтесь под пули.

Я понял, что у него созрел какой-то план.

– А вы?

– А я попробую обойти их с фланга.

Гудимов выскользнул из машины и бегом припустил вдоль тыльного края лесополосы.

Преследователи же, расположившись метрах в двухстах от посадок, открыли шквальный автоматный огонь по предполагаемому месту нашего нахождения, достаточно хорошо освещённому автомобильными фарами.

В основном пули проходили в стороне, но иногда посвистывало прямо надо мной, и тогда я слышал, как сбивало листву и с характерным чавканьем постукивало по стволам деревьев.

Распластавшись на земле, я ползком пробрался между рядами берёзовых насаждений и притаился за одним из крайних к кукурузному полю наиболее крупных стволов. Когда пальба из глубины поля в какой-то мере стихла, я высунулся из-за дерева и трижды выстрелил в направлении светящихся фар.

В ответ ночь взорвалась новым ураганом автоматного огня. Коротенькие точечные сверкания замелькали как возле авто, так и на некотором расстоянии по обе стороны от них. Теперь неприятель точно знал, где противная позиция, и пули свистели тут и там, нередко обдавая мою голову смертельным холодком.

Берёзовый ствол передо мной несколько раз принял на себя прямые попадания, и я отчётливо слышал их погибельные щелчки. Но едва только стрельба пошла на убыль, я снова трижды нажал на спусковой крючок. Первые две пули ушли одна за другой, а третья – с некоторым отставанием по времени.

И тут в расположении противника пошла какая-то сумятица. Начавшийся огневой удар сменился беспорядочными автоматными очередями и одиночными пистолетными выстрелами. До меня донеслись ужасная матерная брань и отчаянные крики, перемежаемые душевраздирающими стонами, ещё выстрелы.

Далее в наступившей немой тишине раздался чей-то жалобный страдальческий голос, умолявший о пощаде, который прервали два последних пистолетных хлопка.

Минутой позже фары погасли, и на некоторое время поле боя окутала глухая ночная тьма. Затем ненадолго вспыхнула зажигалка, прикрытая ладонью, и крохотным светлячком замаячил то разгоравшийся, то притухавший сигаретный огонёк.

Ещё немного погодя фары заново осветили кукурузу и лесополосу, трижды подмигнули мне, негромко заработал мотор, и внедорожник, совсем недавно так настойчиво преследовавший нас, неторопливо приблизился по просёлку к проёму между деревьями, преодолел его и остановился возле нашей «Нивы».

– Ну как вы тут, живы? – слышался голос моряка, и я увидел большую тёмную фигуру в открывшейся дверце машины. – Всё обошлось, не зацепило? – вновь спросил он, когда я вышел из-за деревьев и подошёл к нему.

– Со мной полный порядок, – ответил я, протягивая пистолет.

– Ну вы молодчина! – сказал Гудимов, принимая оружие. – Здорово отвлекли их на себя! А я этих господарей, словно щенят, захватил, только что на свет белый вылупившихся... Ах, выжлята, – добавил он после некоторого молчания, – морскую пехоту хотели просто так, за здорово живёшь взять!

– Это была милиция? – спросил я, с трепетом ожидая подтверждения.

– Нет, – ответил бывший морпех. – Все они были люди из клещовской банды.

– Откуда вы знаете?

– Так я спрашивал.

– У кого? Кто вам сообщил?

– Там, – он махнул рукой в сторону кукурузного поля, – сообщил один.

– Это был человек, просивший о пощаде?

– Какое имеет значение, кто это был!

Меня больно резанула по сердцу бесконечная жестокость Гудимова; разве обязательно надо было добивать того несчастного, вероятно раненого и совершенно беспомощного, уже не способного причинить какой-либо вред?

– Неужели нельзя было оставить его в живых?! – невольно вырвалось у меня.

– А зачем? – с отчётливо выраженной тяжёлой злобой сказал моряк. – Чтобы он поправился и снова попытался кого-нибудь убить? Между прочим, это был один из тех, которые хотели закопать вас на лесной поляне. Я хорошо разглядел его – это он чиркнул мне остриём лопаты по лицу. Помните, был там такой, с родинкой на лбу?

Я почёл за лучшее не продолжать этот разговор. Оставив изрешеченную «Ниву», мы на захваченном «Нисане» повернули назад к автотрассе. Ещё час пути, и в ночной мгле показались далёкие огни узловой железнодорожной станции.

На вокзале Гудимов пожал мне руку, приобнял за плечи, сказал, что, может, ещё встретимся, и с тем мы расстались. Моряк поехал в Питер, где его ждал сухогруз «Посейдон», в то время совершавший бесконечные рейсы в Аргентину, Бразилию и ещё какие-то страны, а я – на свою малую родину, в двухсоттысячный Ольмаполь, в котором родился и вырос.

Глава четвёртая

Бомж

По прошествии года с лишним пребывания в размеренной провинциальной обстановке, поправив здоровье и восстановившись душевно, я отправился в Петербург, где и возобновил свой прерванный бизнес, суливший немалые доходы и возможности.

Суть его была в том, что я находил разных изобретателей и учёных, делавших открытия завтрашнего дня, а также предлагавших передовые технологии, в разы превышавшие эффективность существовавшего производства, и финансировал их по полной программе.

К затеянному делу привлекал наиболее разворотливых управленцев, умевших мыслить стратегически и уже проявивших себя в нужной сфере, и сводил всех этих людей воедино.

В итоге общество довольно скоро начинало обретать новую высококачественную продукцию или услуги, о которых ещё вчера могло только мечтать.

Лично я от всего этого получал, повторяю, немалый, всё возрастающий доход и всё возрастающее же чувство собственной значимости и достоинства.

Не оставались без вознаграждения и мои сподвижники, прежде всего носители идей и предложений – все они тоже получали солидную долю от вырученных сумм, вплоть до последнего причитавшегося им рубля. В этом плане я был особенно аккуратен. До педантичности.

Естественно, начинать вновь пришлось с малого, практически с нуля, если не считать предыдущего опыта. Но на этот раз всё пошло как по маслу, и за сравнительно короткий срок я превратился в преуспевающего бизнесмена; со мной стали считаться все промышленники и финансисты, с которыми доводилось соприкасаться в столь необычной предпринимательской сфере.

Дело, которым я занимался, получило широкую огласку, и ко мне потянулись новаторы и придумщики со всех концов страны.

Мы, то есть я и мои сотоварищи, основали торгово-промышленное объединение, которое со временем выросло в гигантскую сверхкомпанию с множеством дочерних предприятий.

Кругленькие суммы на моих счетах в банках продолжали неуклонно возрастать – чуть ли не в геометрической прогрессии. Мультимиллиардером я стал лишь спустя много лет, но купить самолёт, яхту или усадьбу в любой цивилизованной части света либо совершить какую-нибудь масштабную благотворительную акцию для меня не было проблемой уже в первые три-четыре года.

Но я не следовал примеру известных богачей и никаких сногшибательных приобретений не совершал.

Благотворительностью же занимался постоянно. Мне доставляло удовольствие помогать добрым людям, оказавшимся в бедственном положении. Нередко я делал это негласно и радовался вместе с теми, к кому вдруг в самый критический момент приходило спасение.

Помню, как один из олигархов, входивший в ближайшее окружение высшей власти – с ним я тогда только что познакомился, – завёл речь об отсутствии у меня именно яхт и дворцов. Вместо ответа я предложил ему проехать на улицу Снегирёвскую.

Остановившись перед несколькими только что построенными многоэтажными домами, я сказал этому плутократу:

– Вот мои «яхты и дворцы» – достаточно просторные, благоустроенные квартиры для персонала наших фабрик и учреждений! Всем без исключения сразу же при поступлении на работу мы в обязательном порядке выделяем жильё. Всем нуждающимся, разумеется.

– Как, бесплатно?! – поразился миллиардер.

– Да, бесплатно. В вечное пользование – самим работникам с последующей передачей их детям и детям их детей. С единственным ограничением: без права продажи этого жилья!

Мне показалось, что мой новый знакомый был изрядно покороблен нашими условиями обеспечения жилой площадью, словно ему было нанесено личное оскорбление. После этого случая он прервал все контакты, которые уже начали складываться между нами – даже в ущерб собственному производству, – и всегда избегал малейшего общения. Если мы всё же оказывались на какой-нибудь совместной церемонии, всегда смотрел в сторону и делал вид, будто не замечает меня.

Однажды, когда я находился на вершине преуспевания, мне доложили, что встречи со мной домогается какой-то бродяжка.

Был уже вечер, я только что вернулся домой после напряжённого трудового дня, и мне необходимо было побыть одному, чтобы избавиться от накопившейся нервной усталости. Я хотел сказать, что никого не могу видеть, но Алексей Петрович, мой управдом, явившийся с докладом, опередил меня:

– Он утверждает, будто вы близко знакомы и в своё время оказали друг другу немалые услуги. Вот... это от него.

И управдом, он же по совместительству повар и швейцар, подал на плоском посеребренном блюде незапечатанный почтовый конверт. Блюдо это появилось в нашем обиходе после того, как Алексей Петрович посмотрел какой-то фильм про старину, где письма подавали именно таким образом. Я пытался высмеять его затею, отдававшую чудачеством, но он остался при своём мнении.

Отогнув клапан конверта, я извлёк сложенный вчетверо листок обычной писчей бумаги и развернул его. Там было всего три слова, написанных твёрдым каллиграфическим почерком: «Лес, утро, могила».

Перед глазами сразу всплыли та самая поляна, на которой мне предстояло упокоиться навеки, и мощный отважный человек, вызволивший меня из рук жестоких убийц.

Я попросил привести подателя сего письма, и спустя несколько минут в кабинет вошёл старик лет семидесяти, сухой, согбенный, приволакивавший левую ногу и совершенно не владевший левой же рукой. Лицо его было изборождено глубокими морщинами. Особенно привлекала внимание вертикальная складка между бровями, указывавшая на неблагополучие печени.

Одет он был чрезвычайно бедно, но чисто, опрятно. Мне подумалось, что, готовясь к встрече со мной, он, должно быть, долго приводил свою одежду в порядок.

Конечно же, это был Николай Гудимов. Но перемены, происшедшие с ним, вызвали изумление, душевную боль и сострадание.

Мы поздоровались так, словно не было двадцати (!) лет разлуки. При пожатии в его здоровой правой руке вновь почувствовалась большая мужская сила.

Это было единственное, напомнившее о прежнем могучем и неукротимом Гудимове. Нет, пожалуй, ещё взгляд его, временами вспыхивавший горячим огнём, говорил о том, что этот человек когда-то был полон отваги и нацеленности на решительные действия.

Я провёл его в свой личный апартамент – уютную комнату с пылающим камином, куда вскоре нам принесли графинчик хорошей пшеничной водки и кое-что из закуски.

– Нет, водку мы не употребляем, – сказал Гудимов, когда я хотел наполнить его рюмку. – Если только немного сухонького, – он взглядом и движением головы показал на свою висевшую, как плеть, руку. – У меня ведь инсульт был и может повторно хватить, а помирать не хочется.

Но и сухого вина Гудимов отпил не больше крохотного глотка. И это не совсем естественно было за ним примечать – ведь когда-то водку он опрокидывал в себя стаканами. А вот избавиться от пристрастия к курению Николай так и не смог.

Достав сигарету, бывший моряк опять же взглядом попросил у меня разрешения заку-
рить, я кивнул ему, и он задымил, придвинув стул ближе к просторному каминному жерлу.

За сигаретой и неполной рюмкой «Бароло» он немногими словами поведал историю
минувшего двадцатилетнего отрезка своей жизни.

Через полторы недели после того, как мы расстались на железнодорожной станции, их
грузовое судно уже бороздило океанские просторы, и недавние разборки с бандитами на лесной
поляне и кукурузном поле для Николая Гудимова стали всего лишь одним из эпизодов его
бурной, наполненной приключениями жизни.

Крепкое спиртное и курение продолжали оставаться главным его пристрастием, и он поз-
волял себе приложиться к бутылке не только в портовых тавернах, но и на борту сухогруза.
Сразу же после сдачи вахты.

«Ром для меня и дом, и жена, и друг» – с некоторых пор бывалый штурман начал
частенько повторять слова пирата из всем известного романа «Остров сокровищ». Переделав
их на свой лад.

Об «увлечении» моряка было известно владельцам флотилии, в которую входил «Посей-
дон», и дальше второго штурмана он так и не продвинулся. В то же время его не отчисляли,
потому как терпели за хладнокровие и умение управлять судном в самых критических обсто-
ятельствах.

Мощный организм долго ещё выдерживал травмы, наносимые алкоголем и табачными
изделиями, и Гудимов стал полагать, что он «сделан из особого теста» и ему износа не будет.
Однако ром, водка и прочие напитки с высоким содержанием спирта, погубившие сотни мил-
лионов людей, постепенно, исподволь и с ним сыграли плохую шутку.

Наступило время, когда штурман превратился в самого настоящего алкоголика и начинал
пьянеть после первых же ста граммов горячительного. Вторая и третья дозы довершали дело,
и бывалый моряк окончательно слетал с катушек.

Однажды, напившись до положения риз, он остался на чужом берегу, и «Посейдон» ушёл
без своего штурмана. Во время этого обратного рейса теплоход попал в сильную бурю и сел на
мель. Значительная часть груза была повреждена, серьёзные увечья получили двое матросов.

Словом, одно наложило на другое, терпение начальников лопнуло, и опытного, но
спившегося моряка уволили из компании фактически с волчьим билетом. Об этой новости
Гудимов узнал, ещё будучи в дешёвенькой припортовой гостинице, в ресторанчике которой
он просаживал последние гринбеки.

Против всю наличку, что была в карманах, Гудимов нанялся простым матросом на ино-
странный судно, ходившее под либерийским флагом, и лишь через два года сумел вернуться
в Петербург.

Знакомый капитан небольшого портового буксира взял его к себе рулевым-мотористом,
и некоторое время он пребывал на этом судёнышке, пока...

Водка ещё никого не доводила до добра.

Как-то ночью старенький буксир по касательной столкнулся с океанским лайнером, вхо-
дившим в акваторию порта. За штурвалом стоял наш славный моряк, ещё не совсем отошед-
ший от очередной попойки. Никаких скольконибудь заметных повреждений лайнер не полу-
чил, а вот в подводной части буксира образовалась большая пробоина, и он только чудом не
пошёл ко дну – спасением стало близкое мелководье.

В результате этого происшествия Гудимова окончательно списали на берег.

Продолжая катиться по наклонной, «отважный» мореман остался не только без работы,
но и без квартиры, и от него ушла женщина, прежде встречавшая его у причала.

– Ну и прёт от тебя – похмеляться не надо, – сказала она на прощанье.

– Клавдя, постой! – крикнул он вдогонку.

– Да пошёл ты!

Случалось, что ему приходилось ночевать в старых, предназначенных на снос домах, камерах теплосетей, в вагончиках или шалашах городских свалок, а то и просто под открытым небом на постели из какой-нибудь драной дерюги. В последних случаях он просыпался утром почерневшим от холода.

Вот таким я и встретил старого морского волка после многолетней разлуки.

На дворе уже была поздняя осень, и «в глаза катила» зима, которую мой давнишний знакомый мог и не пережить. Я предложил ему помыться в ванной. Гудимов с удовольствием согласился. Алексей Петрович лично продрал его с головы до ног настоящей липовой мочалкой и передел во всё чистое и новое.

– Когда-то этот «товарисч» был серьёзной личностью, – сказал управдом с несколько насмешливой тональностью уже по выполнении обязанностей банщика.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, уязвлённый его иронией в адрес моего друга, пусть и опустившегося, но оставшегося дорогим мне человеком.

– Наколка у него на плече – тигриная морда и надпись «МОРСКАЯ ПЕХОТА». И шрамы от ранений – их не сосчитать.

– Да, ему немало пришлось испытать, в том числе участвовать в боях с опасным подготовленным противником.

Ночь Николай провёл на диване в тёплой каминной, а утром я предложил ему пожить в моей усадьбе возле Томаринского ущелья. Усадьба эта находилась в двух тысячах километров на юго-востоке от Питера.

– Поживёте в Томарине, – сказал я ему, – поправите здоровье, а там посмотрим, как нам дальше быть и жить.

Я позвонил своему мажордому, который тотчас же явился, и познакомил их более обстоятельно, рассказав то положительное, что знал о каждом.

– Вот, Алексей Петрович будет вас сопровождать, – сказал я Гудимову, после того как они раскланялись друг перед другом. – В Томарине он уже бывал, всё там знает и на месте всё покажет и расскажет.

– Зачем вам это надо? – спросил Гудимов, когда мы вновь остались одни.

– Что именно?

– Возиться со мной.

– Могли бы и не спрашивать, – ответил я. – Да хотя бы потому, что... Где бы я был сейчас, если бы не ваше вмешательство тогда, на той лесной поляне?

Старый моряк улыбнулся и кончиками пальцев погладил подбородок.

– И всё же – сколько времени я могу жить в вашей усадьбе? – он посмотрел на меня таким испытывающим взглядом, каким может смотреть на неблагорассудного богатея только какой-нибудь великий мудрец. – Когда вы меня оттуда попросите?

– Да сколько хотите, столько и живите, хоть всю жизнь, – ответил я, игнорируя вторую часть вопроса. – Как вашей милости заблагорассудится.

– Всю жизнь, говорите. Ладно. Только на что я там буду существовать? У меня же ни пенсии, ни гроша в кармане.

– Так я не просто предлагаю пожить в Томарине. У меня к вам деловое предложение.

– Какое ещё предложение? Думаете, я на что-то ещё способен? – Гудимов всё тем же знакомым движением головы показал на свою левую парализованную руку.

Теперь уже я посмотрел испытывающим взглядом на старого моряка.

– Думаю, что способны. На многое. Я предлагаю вам должность управителя Гринхауса – томаринской виллы. За соответствующую плату, естественно. Там должен быть человек, который бы за всем присматривал и которому можно было бы доверять. Каких-то особых физических усилий для этого не потребуется, так что справитесь. Алексей Петрович большой знаток по этой части, и, как я уже говорил, он введёт вас в курс дела.

– Вот те на! – воскликнул Гудимов, саркастически улыбаясь. – Я снова стану маленьким начальником! Домоуправом! Из грязи да в князи! Ну, жизнь, ты действительно способна творить чудеса! И разные фокусы – тоже.

Глава пятая

В Томарине

В тот же день моего бомжа доставили в усадьбу. Сначала было три часа полёта рейсовым авиалайнером, затем полтора часа поездки в комфортабельном автомобиле, и наконец он оказался в Томарине.

Усадьба сия располагалась у южного основания высокого горного хребта, на выходе из ущелья в просторную долину.

Ещё не так давно это была дикая пустынная местность, редко поросшая можжевельником, кизилом и колючим держидеревом, забытая, казалось, и Богом, и людьми.

Горный хребет, стеной вздымавшийся в небеса, достаточно надёжно закрывал её от холодных северных ветров. Впрочем, он же был причиной и довольно заметной сухости тамошнего узкополосного климата.

До сих пор не могу понять, что толкнуло меня купить эту необитаемую территорию. Скорее всего, некое шестое чувство, подобное интуиции.

Что-то особенное, разбудившее мою фантазию, показалось мне в рельефе прилегающей местности, когда я волею случая впервые оказался в этих краях. Перед внутренним взором как-то сразу предстали и будущие роскошные сады, и ажурные постройки, словно в тот момент ко мне пришёл дар ясновидения.

Я обратился в муниципалитет, которому принадлежал этот кусок пустоши, с предложением о купле-продаже.

Здесьняя власть отчаянно нуждалась в деньгах, и мне охотно пошли навстречу. Правда, цену заломили – в обморок можно было упасть, но я, прикинувшись совершенным простаком, почти не торговался, потому что уже знал – до сей поры заброшенная территория превратится в обитель блаженных.

Так я стал владельцем четырёхсот сорока шести гектаров пусть бросовой, но южной земли.

В самом скором времени здесь уже трудились лучшие ландшафтные дизайнеры, архитекторы и строители. И всё это – на фоне установок бурения артезианских скважин для получения оросительной воды и многочисленных самосвалов и бульдозеров, тысячами тонн завозивших и разравнивавших лучший в мире тамбовский чернозём, снятый на месте строившихся промышленных объектов.

В северной части обрётённых мною палестин, ближе к ущелью, была довольно значительная обрывистая впадина. Естественное лоно это раздвинули, углубили, направили в него часть протекавшего рядом неширокого ручья, и

по истечении нескольких лет оно превратилось в достаточно полное продолговатое озеро.

На берегу этой маленькой Рицы я и построил своё жилище – двухэтажный особняк, удачно вписавшийся в мегарельеф, созданный природой и людьми.

Вокруг дома был разбит обширный сад с персиковыми, абрикосовыми, грушевыми и другими плодовыми и декоративными деревьями. За ним, южнее, на открытой солнечной стороне широко раскинулись плантации виноградников. Кипарис, самшит, гуттаперчевое дерево стали одними из украшений этого, ещё недавно никому не нужного края.

На наиболее каменистых местах были посажены фисташковые деревья, не боящиеся засух. Словом, ещё вчера пустынная земля превратилась в сплошной благоухающий рай, особенно приглядный с марта по май, когда всё цвело и жизнеутверждалось.

Работы в саду и на плантациях не прекращались ни зимой, ни летом.

В основном в Томарине были заняты жители села Нижнекаменского, расположенного километрах в шести дальше на равнине. Я с самого начала распорядился на оплату труда не скупиться, и от желающих наняться на постоянные или сезонные работы не было отбоя.

Большая часть урожая плодовых шла на продажу в пределах Светлоярской автономии, где располагалось моё хозяйство. Совсем немного от общего объёма специальным транспортом доставлялось лично мне, и я большими вместительными коробками отсылал свежие фрукты своим друзьям и партнёрам по бизнесу.

Одновременно с закладкой плантаций виноградника началось строительство винодельни, и ко времени появления в Томарине Николая Гудимова в подвалах её хранилось значительное количество вин самых разных марок.

Всем этим нешуточным хозяйством заведовал управляющий из местных, некий Владимир Смелычанов, бывший агроном в Нижнекаменском.

Во внешнем виде уже упомянутого двухэтажного дома вроде бы не таилось ничего особенного, однако, украшенный зеленью субтропических деревьев, моим друзьям он казался шедевром архитектурного искусства. И он как нельзя лучше был удобен для проживания. Стены его частично украшались зелёными же деталями, и как-то незаметно, само собой, к нему и прилепилось иноземное словечко «Гринхаус», то есть зелёный дом.

Вот за этой обителью я и предложил присматривать моему старому другу-приятелю.

Один раз в неделю сюда приезжала дочка управляющего помещьем Полина, студентка пединститута. Девушка пылесосила полы, протирала мебель и вообще поддерживала все помещения в надлежащем порядке, то есть выполняла обязанности горничной. Заработок, который она получала, многократно превосходил её ничтожную студенческую стипендию.

Но надо было, чтобы в доме проживал кто-то постоянно, чтобы чувствовался дух человеческого, и лучшей кандидатуры, чем Николай Гудимов, я в тот момент не видел. К тому же мне хотелось услужить старому моряку, обеспечить ему достойные условия существования.

Я только попросил его курить исключительно на открытом воздухе, вне закрытых помещений.

С появлением нового человека в доме обязанности горничной расширились ещё на закупку продуктов питания и приготовление еды на несколько дней – за дополнительную плату, само собой (вообще я платил всем и каждому, едва только пальцем кто шевельнул в мою пользу). Еды без каких-либо особых изысков. Что-нибудь вроде борща, котлет и обычной каши. Гудимов сам был неплохой спец по кухарским делам, но из-за парализованной руки его возможности в этом плане, понятно, были сильно ограничены.

Ознакомив Гудимова с Гринхаусом, Алексей Петрович предложил ему на выбор несколько комнат, в которых тот мог бы поселиться.

Николай предпочёл одну из них на первом этаже, небольшую и самую закоулистую, наиболее отдалённую от спален и других помещений, предназначенных для моих гостей и меня лично, – окном выходившую на озеро и примыкавшую к овально удлинённой открытой веранде. На последней он мог свободно курить, не задымляя внутренние пространства.

В боковушке, облюбованной новым поселенцем, были только широкая кровать, одёжный шкаф, прикроватная тумбочка, стол с настольной абажурной лампой, два стула и телевизор на ещё одной тумбочке. Из трёх дверей одна соединяла с санузлом, вторая вела в коридор, третья – на веранду, увитую побегами декоративного виноградника.

Бросив взгляд из окна на озеро и зелень садов и прогулявшись несколько раз на веранду и обратно, бывший мореман окончательно утвердился в выборе наиболее подходящей для него каморы.

– Ну как, нравится? – спросил Алексей Петрович новоявленного домоуправа.

– Всё отлично. Только что я тут буду делать один?

– А кто сказал, что ты один будешь? В усадьбе полно народу, и здесь найдётся с кем якшаться, не сомневайся. И я тут побуду с тобой до конца недели – мне тоже хочется понежиться на природе, тем более такой роскошной. Да вон, смотри сколько людей!

Они стояли на веранде, откуда открывался вид на озеро и простиравшийся за ним огромный ухоженный земельный массив.

– Смотри! Видишь?!

И в самом деле, в отдалении виднелись фигурки рабочих, едва заметно, с остановками, продвигавшихся вдоль каких-то кустов и что-то делавших возле них.

Немного в стороне, в нескольких местах, поднимались от костров медленно плывущие белые клубы дыма. Кто-то тоже там был, вероятно, занимался этими кострами. Ещё дальше за дымовой завесой ползала пара тракторов, кажется, обрабатывавших почву между рядами деревьев.

Слева, метрах в двухстах от Гринхауса, за вечнозелёными деревьями проглядывали серые стены довольно экзотичного здания, похожего на старинный замок.

С противоположной, дальней стороны к «замку» почти вплотную примыкали несколько аккуратных построек, похожих на склады, за ними – нечто, напоминавшее гараж и небольшой машинный двор; и там тоже виднелись какие-то люди.

На дорожке, пролегавшей между домом и озером, показался мужчина – сухощавый, лет шестидесяти, без какой-либо спешки шагавший по направлению к этому комплексу сооружений. Он был одет в телогрейку, незамысловатые штаны, на ногах – рабочие ботинки, на голове – простейшая кепка; несомненно, это был кто-то из местной obsługi.

– Послушайте, почтенный! – окликнул его Алексей Петрович.

Мужчина на дорожке остановился и посмотрел на них.

– Это вы меня?

– Да-да, вас! Будьте добры, подойдите сюда. Незнакомец не спеша приблизился.

– Здравствуйте! – Алексей Петрович расправил плечи, дабы придать себе более солидный вид.

– И вам не хворать, – последовал ответ.

– Вы здесь работаете?

– А сами-то вы кто будете?

– Это вот, – мой эмиссар коснулся рукой плеча Гудимова, – новый управляющий Гринхауса, а я сопровождаю его, ввожу в курс дела, знакомлю со всем. Нас сюда лично Александр Васильевич Кригер направил. Слышали о таком?

– Понятно, управляющий, значит, – человек на дорожке поправил кепку. – Местный сторож я. Охраняю и дом этот, и винодельню, – он показал в сторону «замка», – и гараж со складами.

– Звать-то вас как?

– Ефимычем меня кличут.

– А что там люди делают в садах?

– Там-то?... – повернувшись, Ефимыч посмотрел вдаль за озеро. – Работают. Старые и просто лишние побеги винограда обрезают. И не только виноград, но и плодовые и декоративные деревья с кустарником – всё подстригают, всему, как говорится, надлежащий вид придают.

– А что это за дым такой?

– Так обрезки разные и сжигают. Теперь, считай, до весны жечь будут, пока все сады не очистят. Трактора же землю пашут, междурядья обрабатывают, чтобы почва и отдыхала, и силы набиралась для нового урожая.

– А они чем занимаются? – Алексей Петрович показал на людей возле «замка».

– Да грузят что-то в машину. Вино скорей всего будут отправлять. В какой-нибудь светлостройский магазин.

Посчитав, что разговор окончен, Ефимыч буркнул нечто похожее на «Ну, будьте» и зашагал дальше к винодельне.

– Вот и первый знакомец, – сказал Алексей Петрович своему подопечному. – Как он тебе?

– Мужик как мужик, – Гудимов глухо, прокуренно кашлянул. – Нормальный вроде. А дальше посмотрим.

Глава шестая

Ефимыч

На кухне они выпили по чашечке кофе, после чего Алексей Петрович отправился в гостиную подремать на диване; невероятно, но кофе не взбадривало его, а всегда вводило в сонное состояние.

Гудимов же вернулся в свою комнату. Оттуда он прошёл на веранду, покурил там, глядя на ухоженный субтропический пейзаж, и опять возвратился в комнату. Включил телевизор, посмотрел несколько кадров, совершенно не нужных ему, и нажал на кнопку выключения.

Не зная, чем ещё занять себя, надел бушлат, кепку, взял палочку, вышел на крыльцо и потащился к «замку», полускрытому зелёными кронами деревьев.

Ефимыча он нашёл в небольшой будке наподобие вагончика.

Стол в углу у единственного окна, пара стульев, опять же телевизор на тумбочке, кровать, застеленная грубым покрывалом. В дальнем торце помещения – узкая тесная отгородка с холодильником и ещё одним столиком, середину которого занимала прямоугольная электроплита, – вот всё, что представилось домоуправу в этой конуре.

Сторож восседал за столом, пил чай и смотрел на экран зомбоящика.

– Здравия желаем! – сказал он, обменявшись с гостем крепким рукопожатием. И, предложив сесть на свободный стул, взялся за державку электрочайника: – Будешь?

– Налей, – сказал Гудимов, усаживаясь через угол стола напротив хозяина будки.

Они выпили по одному стакану, по другому. За чаем, а затем и сигаретами – сторож тоже курил, и на столе стояла пепельница с одним предыдущим окурком – разговорились и стали излагать историю своего житья-бытья.

Узнав, что срочную Ефимыч служил матросом на Северном флоте, на торпедном катере, вновь испечённый управдом воскликнул:

– Да неужели?!

И тут же начал рассказывать, что окончил мореходное училище, где была военная кафедра, и что практику тоже проходил на катере, только ракетном.

Воодушевившись воспоминаниями, Гудимов перевёл разговор на морские приключения, которые ему довелось пережить. Ефимыч слушал его, разинув рот, а рассказчику только того и надо было.

Под воздействием возникшего приятельства сторож достал из-под стола початую бутылочку чачи, но Гудимов отказался от алкоголя, сославшись на состояние здоровья. Тогда сторож выпил один и снова закурил, а гость поддержал его очередным стаканом чая.

– Я выкуриваю только пять сигарет в день, – веско, со значением сказал хозяин будки.

– А почему так? – спросил Гудимов, делая вид, что крайне удивлён. – У меня с табаком никаких ограничений, и если есть деньги, выкуриваю по две пачки в день, правильнее сказать, в сутки, потому что шмаляю и по ночам.

– Нет, так не годится, так только жабры травить.

– Да ладно...

– Будто не знаешь!

– Вообще-то знаю – как не знать! Только остановиться не могу – мне постоянно надо жабать, и курево для меня превыше всего.

– Вот, а я при своём режиме курения никакого вреда организму не чувствую. Притом каждая сигарета для меня становится чуть ли не праздником. Ну и я просто выдерживаю характер, проявляю силу воли.

– А если долбанёшь как следует? – новоявленный управляющий Гринхауса показал глазами на стакан.

– Всё равно только пять. Это у меня зарок такой. Да и долбаю я некрепко и свою норму даже под долбом никогда не превышаю.

– А как же вот уже вторая сигарета почти подряд?

– Это в честь нашего знакомства. Но всё равно только третья с утра. До вечера осталось ещё...

И сторож показал два пальца в виде победной буквы «V».

– Ну молодец! Однако надо думать, после флота ты не всё время в сторожах ходил, а?

– Нет, конечно, я тут, в этой будке, только второй год сижу. А до этого тридцать с лишним лет возле горна в колхозной кузне простоял. Первое время молотобойцем, а потом, когда Кузьма Иваныч, прежний кузнец, ушёл на пенсию, на его место заступил.

– И сложную работу делал?

– Да всяку доводилось. Вот, помню, однажды в посевную звёздочка у сеялки полетела. Что делать? На складе такого диаметра и со столькими зубцами не было. Позвонили в райцентр – там тоже, как назло, такой не оказалось. А время не ждёт – сеять надо. Наш механик ко мне: выручай. Ну я и выковал. Точь-в-точь подошла.

– Так и колхоза, наверно, давно уж нет.

– Колхоза нет, а кузница осталась и до сих пор стоит – один частник её выкупил. Я на него ещё сколько лет горбатился!

С того посещения Гудимов и повадился к Ефимычу. Последний, как и остальные усадебные сторожа, дежурил сутки через трое. Такая работа в тех краях называлась «золотое дно», потому как позволяла по совместительству ещё находить приработки. Со всеми его сотоварищами мой домоуправ перезнакомился, но сошёлся только с ним.

Иногда, в свободные от дежурства дни, Ефимыч брал свою курковую двустволку тульской работы, когда-то купленную по случаю, и, следуя Томаринским ущельем, отправлялся с ней в горы. Тропинка пролегала возле самого Гринхауса, и прежде чем продолжить поход, охотник, случалось, заглядывал на минутку-другую к своему новому другу. Или навещал его на обратном пути.

– И кого ты подстрелил? – спросил Гудимов у охотника, когда тот, спустившись с гор, в первый раз появился в особняке.

– Никого не подстрелил, только ноги убил, – ответил Ефимыч, оставаясь под впечатлением от похода. – Да разве в том дело, чтобы кого-то жизни лишать? Нет, я хожу по горам, чтобы только от суеты человеческой подальше отодвинуться.

– А ружьё тогда зачем берёшь?

– С ним как-то основательней чувствуешь себя, словно сила дополнительная вселяется. И на душе ладнее. Будет желание, пойдём со мной. У меня завтра свободный день, вот и давай.

– Куда мне, колченогому, – ответил Гудимов, касаясь здоровой рукой больной ноги. – Да и клешня тоже, – он подался вперёд левым плечом, и парализованная рука следом мотнулась тяжёлой плетью.

Как-то раз Ефимыч принёс свою тулку на работу. При появлении Гудимова он достал оружие из-под кровати и, осмотрев со всех сторон, подал товарищу.

– Хорошая вещь – ты мне уже показывал, – сказал Гудимов, взяв ружьё действующей правой рукой. Аккуратно, не торопясь, он положил его на колени, деловито, с видом знатока сумел открыть стволы и заглянул в патронники. – Отличная! Хоть на медведя с ним выходи. Оно ведь стреляет?!

– И ты – молоток! С тобой хоть сейчас в атаку. Если бы ноги ещё ходили, – добавил Гудимов, вспомнив о своей инвалидности.

Глава седьмая

Иллюзия любви

- Конечно! Если хочешь, можно попробовать. Я и патроны с собой принёс.
- А когда? Ты же на работе.
- В восемь утра я сдаю дежурство, ты знаешь. Вот и пойдём.
- Точно в восемь следующего дня Гудимов подошёл к сторожке, где его уже ждал Ефи-

мыч.

Оставив за собой винодельню и машинный двор, они двинулись к горам и, пройдя метров триста, добрались до входа в Томаринское ущелье, из которого бежал вышеупомянутый ручей. Поставили у основания склона пивные банки в качестве мишеней и произвели по несколько выстрелов в позициях лёжа и стоя.

Управляющему Гринхауса приходилось одной рукой и заряжать, и разряжать стволы. Все эти действия полупарализованному человеку поначалу совершать было не так-то просто, но он быстро приноровился и вполне стал справляться.

Ефимыч же ни разу не подсунулся прийти на помощь, и управдом воспринимал это как неотъемлемую часть их отношений. Фактически в данный момент они выступали на равных – отвлекаясь от разрушительных последствий инсульта, Гудимов чувствовал себя на должной высоте.

Поразив неподвижные мишени, начали стрелять влёт. Не по пивным банкам, а по камням, отправляя их в небо самодельной пращей. Каждый произвёл по три выстрела. Ни тот ни другой ни разу не промахнулись. При попадании камни меняли траекторию полёта и на них оставались царапины, нанесённые картечью.

– Ну ты молодец! – сказал Ефимыч, уважительно глядя на товарища. – Одно слово – морпех!

– А что, Ефимыч, вот отслужил ты три года на флоте и с тех пор из Нижнекаменского ни ногой, да?

Сразу после стрельбы они зашли в Гринхаус и, расположившись со всеми удобствами на веранде, продолжили общение друг с другом, услаждая его курением и питьём чая с лимоном и сахаром.

- Почему же, были поездки, и не одна.
- Я имею в виду не в гости к кому-нибудь, а...

В данный момент Гудимов смотрел на своего товарища с нескрываемым чувством превосходства – уж он-то чуть ли не весь белый свет объездил в отличие от некоторых и повидал немало чудес.

- Я понял вопрос.
- И так что?
- А то, что ошибаетесь вы, любезнейший. Довелось и нам пожить на дальней сторонushке, да ещё какой! Пожить и испробовать такого, что не каждому дано.
- Ну так расскажи.
- Пожалуйста, слушай, коли охота.

...Демобилизовавшись, Ефимыч, в ту пору Серёжка Лазарев, бравый моряк двадцати одного года от роду, так и не доехал до своего Нижнекаменского. Хотя мысли и первоначальное желание навестить отчий дом прямо-таки обуревали его. Не доехал потому, что по дороге со службы застрял в Москве. Не то чтобы очень уж всерьёз и надолго, но всётаки.

Поселился вчерашний военмор у девицы по имени Белла – прекрасная в переводе на русский язык, – с которой переписывался последний год службы. Весьма эффектными внеш-

ними данными она полностью соответствовала имени. Благозвучная фамилия её – Староконцева – ласкала слух. Чудилось за этим набором букв и слогов нечто аристократичное, овеянное романтикой прошлых веков и высокими нравами и духовностью большей части тогдашних богопочитательных поколений.

Белла оформила ему временную прописку, и, как говорится, стали они жить-поживать да добра наживать. Правда, всего лишь гражданским браком. До штампа в паспорте у них так и не дошло. «Будем посмотреть, как у нас дальше ладиться будет», – говаривала его любезная.

Незадолго до срочной службы на флоте юный Лазарев окончил железнодорожный техникум и теперь легко устроился в локомотивное депо сначала слесарем, а потом – помощником машиниста тепловоза.

Красавице-москвичке Белле двадцать восемь уже исполнилось, но для Серёжи это мало что значило. В своей подруге он души не чаял и всю зарплату чуть ли не до последней копейки отдавал ей, за что она награждала его страстными поцелуями и долгими жаркими объятиями.

Молодой человек был счастлив от таких проявлений чувств своей желанной, и его бытие протекало как бы в сладком розовом сне. Любимая женщина, проживание в удобной благоустроенной квартире, пусть коммунальной, и не в каком-нибудь захолустье, а в самой столице – что ещё человеку для счастья надо? О такой жизни ещё совсем недавно он и мечтать не смел. Порой ему не верилось, что всё это происходит с ним на самом деле.

Первое время в бытность свою помощником машиниста Серёжа Лазарев работал на маневровом тепловозе в районе железнодорожной станции, затем довольно скоро за старательность и знание дела его перевели на грузовое движение. С этим переводом ко всему прочему ещё и Савелий Конопушин постарался, Беллочкин старший двоюродный брат, машинист грузового поезда дальнего следования.

К нему и определили Сергея напарником.

И пошло с той поры, поехало, тоже как во сне, только сером и мучительном. Нескончаемые дневные и ночные рейсы, нынче здесь, завтра там. И никакого хоть скольконибудь нормального режима дня, как у большинства других трудящихся граждан.

В придачу к получившейся аномалии – вечный хронический недосып. И дома редко когда стал бывать. Если коротко выразиться, то получилось как в той присказке, что Бог придумал любовь и дружбу, а чёрт – железнодорожную службу.

Одна была отрада: заработки заметно возросли, и любимая подруга жизни расплачивалась с ним ещё более горячими, страстными поцелуями.

Помимо работы и непродолжительных часов пребывания с гражданской женой изредка только для душевного расслабления позволял он себе небольшие «дрейфы» в виде двух-трёх кружек разливного пива в одной из столичных пивных. На пару всё с тем же Савелием, который единственный стал его закадычным другом.

– Ты это, Беллу-то обеими руками держи, – сказал както Савелий за разговором. – Она женщина увлекающаяся, и от неё можно всего ожидать.

– Да ты что! – вскинулся тогда Серёжа. – Не было, нет и не будет никогда и ни у кого более преданной жены, чем моя Беллаша.

– Ну-ну, смотри, – сказал закадычный друг. – Моё дело предупредить.

И прав оказался Савелий – недолго сия любовная верёвочка вилась.

Однажды помощник машиниста вернулся домой раньше положенного времени и нашёл своё «божество» в объятиях любовника.

Серёжа был не просто потрясён Беллочкиной изменой – он был убит ею наповал. Морально, конечно. Хотя во многом он был убит и физически. Его естество, ещё вчера ликовавшее от одной мысли о Лилит (так мысленно иногда он именовал её – подсознание словно подсказывало дурной конец), теперь изнемогало от чудовищной душевной и телесной боли.

Несчастный гражданский муж не стонал, не кричал и не плакал, а только молча со всего маху бил себя кулаком в грудь. На какое-то время жизнь потеряла для него всякий смысл.

В тот же день молодой человек собрал свой немногочисленный скарб и переселился в рабочее общежитие, принадлежавшее железнодорожникам. Ещё неделю спустя он подал заявление на увольнение по собственному желанию и, отделавшись положенной отработкой, поехал к себе на родину в Нижнекамское.

Переступив порог родительского дома, обнял мать и сразу спросил:

– Таська замужем?

С Таськой, то есть с Настей, он немного водился перед тем, как получить повестку из военкомата, но и на флоте, и после окончания службы редко когда вспоминал её, а писем не писал ни разу.

– Нет, – ответила мать, – Тася ещё в девках сидит.

– Завтра же посылай к ним сватов.

Тридцать шесть лет прожил он с Анастасией. Родила она ему двух дочерей, которых они благополучно вырастили, выучили и выдали замуж. Выполнив своё предназначение в этой жизни, его благоверная спокойно, во время полуденного отдыха ушла в мир иной.

Через год с лишним пребывания в ранге вдовца Ефимыч взял отпуск и поехал в Москву.

Всё время, минувшее после столичного обитания, он не забывал Беллочку и не переставал думать и тосковать о ней. Каждое мгновение воспоминаний она представлялась ему нежным, воздушным, почти божественным созданием, стройной, гибкой, с горящим взглядом и сияющей улыбкой – такой, какой была в дни их совместного сказочного сожития.

Не раз упрекал он себя, что оставил тогда свою возлюбленную, не сказав ни слова в ответ на её мольбы и попытки оправдания.

Да и была ли неверность на самом деле? Не почудилось ли прелюбодеяние его воспалённым мозгам после бессонных ночей на нескончаемых железнодорожных перегонах? А может, Беллочка тяжело страдала по нему все эти десятилетия, как миг пролетевшие после тогдашнего разрыва? Страдала и надеялась, что её северный витязь, как она называла его, наконец-то вернётся к ней?! Он же, болван этакий, ни разу, ни единым словом не напомнил о себе!

В столице через сохранившихся знакомых Ефимыч довольно быстро отыскал квартиру на первом этаже обветшалого дома, предназначенного под снос, где теперь и проживала Белла вместе со своей сестрой Яникой.

Сергей Лазарев хорошо помнил младшенькую Староконцеву. Перед глазами всплывал тоненький образ четырнадцатилетней девочки, вечно улыбавшейся ему, когда он возвращался из очередного рейса уставший, с красными, воспалёнными от ночного бдения глазами, а она, случалось, встречала его.

Яника была влюблена в него детской восторженной любовью, он же взамен откупался отеческой улыбкой и довольно частыми пакетиками каких-нибудь вкусеньких конфет или печенья.

Несостоявшийся москвич немного побаивался встречи со своей бывшей симпатией, и у него отлегло от сердца, когда дверь ему открыла именно Яника.

В квартире она была одна – Белла за пару минут до его появления отправилась в магазин за продуктами.

Оказалось, что обе Староконцевы так и не вышли замуж. Старшая давно была на пенсии и большей частью проводила дни в одиночестве перед телевизором. Младшая же продолжала находить жизненный огонёк и моральное удовлетворение всё в том же конструкторском бюро, в которое когда-то её направили по вузовскому распределению.

Конечно, годы изменили Янику, но немало и осталось от той девочки, какой он знал её: всё тот же добрый приветливый взгляд, те же общие черты открытого умного личика, та же

светлая улыбка, затаившаяся в уголках губ. Даже фигурка, стройная, точёная, кажется, достаточно сохранила от прежней юной гёрл.

Она так обрадовалась гостю, что после секундной оторопелости бросилась ему на шею и троекратно расцеловала. Ещё несколько её радостных восклицаний вперемешку с комплиментами, и Ефимыч стал выгружать подарки, которые привёз с собой, и среди них разные фрукты, выращенные на изобильной южной земле.

Яника начала было собирать на стол, чтобы покормить старого знакомого и напоить чаем, но вспомнила, что он двое суток был в дороге.

– Прости, Серёжа, – спохватилась она, – что-то я немного растерялась. Ты ведь с поезда, вон сколько ехал, дай-ка я тебе ванну приготовлю – помоешься, а уж потом за стол.

Погрузившись в тёплую воду большого эмалированного корыта, обильно приправленную нежным обволакивающим гелем, Ефимыч не переставал думать о Беллочке, о том, как увидит её, ещё более стройную и грациозную, чем Яника, словом, точно такую же, какой она была тридцать семь лет назад.

И вот Ефимыч вышел из ванной комнаты и... чуть не столкнулся с Беллой. Он – посвежевший после контрастного душа, завершившегося холодной водой, тщательно выбритый, с ясным сверкающим взором, всё ещё удалой сухощавый жилистый мужчина, едва ли не такой, каким когда-то явился к Староконцевым с Северного флота. Чуть в стороне замерла улыбающаяся, слегка напряжённая Яника, моложавая и элегантная, а прямо перед ним... громоздилась толстенная бабища с огромными необъятными боками, широким обрюзгшим лицом и слоновьими конечностями, раздутыми трясущимся жиром.

– Смотри-ка, приехал, – глухо, в сопровождении одышки проскрипело это страшное чудовище. – Неужто соскучился? Вот уж не думала. Или по пути как-нибудь к нам заскочил? Чего молчишь? Не узнаёшь, что ли?

Бывшая возлюбленная говорила так равнодушно, словно они расстались только вчера.

– Здравствуй... Белла! – промямлил Ефимыч. В душе его образовалась чёрная пустота. Женщина, о которой он не переставал мечтать все минувшие годы, мгновенно исчезла. Начисто. Вместо неё был совершенно чужой человек весьма и весьма непривлекательной, мягко говоря, внешности.

– Привет, привет! Что, испугался меня или впрямь не узнал? Ладно, ладно, не бойся – обниматься не будем. Янька, достань из холодильника бутылку «Старки» – надо отметить встречу.

За столом его бывшая любезная полностью доминировала и не переставала говорить даже с набитым ртом. Яника большей частью помалкивала, лишь иногда отвечая коротенькими фразами на задаваемые вопросы. Ефимыч постоянно чувствовал на себе её тёплые, с нежностью взгляды, и это, пожалуй, было единственное, что согревало его за всё время их совместного застолья.

– Как Савелий поживает, спрашиваешь? – продолжала между тем Беллочка, не меняя интонации. – А никак не поживает. На том свете давно уж Савелий. Эти непутные Конопущины, как он заболел из-за своей чёртовой службы, так скорёхонько в больницу его и спроводили. Чтобы ручки, значит, об него не марать. Месяца два там лежал... Да кому он нужен был в этом хосписе, нечистый бы его забрал?! Кто там за ним ухаживал, когда даже Фаина, Савелькина жена – помнишь её? – через два дня на третий к нему заглядывала, и то на пять минут?! В последние дни он и ложку-то ко рту поднести не мог. Эх, что и говорить! Вот если бы он с нами жил, мы бы его в чужие руки ни за что не отдали, напоенного, накормленного похоронили бы.

Белла проглотила очередной кусок и остановила выпученные глаза на Янике.

– Что смотришь!? – обрушилась она на сестру, хотя та только скользнула по ней взглядом. – Гляди-ка ты, уставилась! – и, повернувшись к гостю, сказала: – Всё попрекает меня,

что много ем. Только фигушки ей – сколько хочу, столько и буду есть, и нечего мне в рот заглядывать!

Покончив с застольем, Белла пошла к соседке отдать кастрюлю, одолженную на время, а Яника принялась мыть посуду в кухонной раковине.

Ефимыч сидел в двух шагах от неё у стола и слушал рассказ о как сон пролетевших десятилетиях женского бытия.

– Роберт Аванесович! Роберт Аванесович! – ядовито и в высшей степени истерично донеслось с лестничной площадки. Несомненно, это давала знать о себе старшая Староконцева. – Ваши мыши съели нашу картошку!

– Помилуйте, почтенная Белла Станиславовна! – послышался ответный, немного насмешливый и дребезжащий голос человека явно преклонного возраста. – Помилуйте! Откуда вам известно, что эти мыши именно мои?! Разве на них написано, чьи они, а?

– Ваши это мыши, ваши! Это вы в своём чулане развели такой бардак! Вот они в ваших углах плодятся и множатся.

– Напрасно вы так, многоуважаемая соседка! Никакого бардака, как вы говорите, в моём чулане нет. Я там подметаю каждый день, и мою картошку мыши не едят. Не едят потому...

– А, вы только посмотрите на него, он ещё пытается что-то доказывать!

– Не обижайся на неё, – мягко, с нежностью сказала Яника, трогая гостя за руку. – Пойми, не сложилась у неё судьба, вот она и даёт иногда волю эмоциям. Ах, если бы вы не расстались тогда, как всё было бы замечательно! И Беллочка цвела бы сейчас и радовалась жизни.

Тогда, расставшись с Сергеем Лазаревым, Беллочка в полной мере отдалась страсти к новому бой-френду, оказавшемуся поистине неистощимым на альковные игры. Причём неистощимость эта проявлялась как утром, так и вечером, каждое мгновение совместного нахождения в квартире, даже в процессе возни по хозяйству – при той же, например, стирке белья. И, разумеется, на работе, в их общем кабинете.

В выходные же любовные оргии практически не прекращалась ни на минуту, повторяясь до бесчисленности. И всё жёстко с его стороны, со звериной ненасытностью. Подобной же отдачи мужчина требовал и от партнёрши.

С ним, Ильёй Фирером, Беллочка схлестнулась сразу же, как только устроилась в проектно-экспертную организацию с необычным для советского периода названием «Пеликан». Это был властный необузданный самец, и она с первого взгляда поняла, что близости с ним не избежать. Фирер был её начальником. Она сидела за предоставленным ей столом напротив него. На этом столе и совершилось первое их соитие. По всем правилам порноискусства.

Ещё до наступления обеденного перерыва.

Хорошо ещё, что он не забыл запереть дверь на замок. Затем без какой-либо задержки состоялся повтор на одном из стульев, после чего – на подоконнике с зашторенным окном и у стояка водяного отопления.

С одного лихого старта и понеслось.

Вечером она привела Фирера в свою коммуналку, где их и застал Серёжа Лазарев, так нестати вернувшийся с железной дороги. Впрочем, всё прошло достаточно гладко – сожитель без скандала собрал принадлежавшие ему вещи и удалился.

Однако не прошло и полутора недель, как даже она, вроде бы всегда испытывавшая потребность в мужской ласке, почувствовала всё возрастающую усталость.

Из-за этой усталости Беллочка намеренно начала опаздывать на работу и раньше положенного бежать из учреждения, чтобы только меньше видеть безудержного любовника и испытывать его неумные ненасытные улаживания. И в течение дня норовила как можно дольше

пребывать в других кабинетах среди проектировщиц «Пеликана». А также задерживалась в магазинах и парикмахерских, дабы явиться домой попозже.

Фирер ждал её возвращения в подъезде, в грубой форме выражал любовнице неудовольствие за опоздание, буквально силой затаскивал в квартиру и затем...

С некоторых пор Белле даже думать не хотелось о сношениях, не доставлявших более никакой приятности, а наоборот, становившихся всё обрыдливей; не раз она заявляла об этом, и всё чаще мужчина совершал их в принудительном порядке против её воли.

Жизнь стала превращаться в крошечный ад.

По истечении месяца нескончаемая любовная эпопея вынудила её уволиться из «Пеликана», запереть квартиру и переехать к своей матушке, проживавшей в то время с младшей дочерью в крохотной комнатке семейного общежития.

Любовник, теперь уже бывший, устроил на Беллу настоящую охоту, отслеживая все её возможные маршруты передвижения.

Она ходила и оглядывалась, шарахаясь от каждой подозрительной тени.

Однажды тёмным вечером Фирер всё же подловил её в безлюдном переулке, затащил на какую-то стройку и многократно овладел ею.

– Будешь ещё бегать от меня – убью, – злобно прошипел он на прощанье.

Угроза была вполне серьёзной.

Белла обратилась к Савелию и, обливаясь слезами, поведала о Фирере. Не всё, а так, выборочно, по мере возможности выставляя себя в розовом свете.

– Это не человек, а зверь, – сказала она в заключение. – Он силой принудил меня. Я сопротивлялась, но... Из-за этого негодяя я вынуждена была оставить любимую работу. Если его не приструнить, он точно убьёт меня. Я даже записку написала с именем душегуба. Вот, посмотри, прочитай.

На бумажке было написано: «В моей смерти прошу винить Фирера, начальника экспертного отдела из “Пеликана”».

В тот же день Савелий встретился со своим другом, участковым милиционером капитаном Машустиным. После окончания дежурства милиционера они вдвоём явились к Фиреру. Тот был дома. Участковый показал фотографию Белочки Староконцевой.

– Узнаёшь? – последовал вопрос. – Вижу, что узнаёшь. Если ещё будешь преследовать её, угрожать ей!.. А пока...

– Нет, не узнаю, – небрежно ответил Фирер. – Кто такая? Ни разу не видел. – Он был физически сильным мужчиной, почти на полголовы выше милиционера, когда-то занимался боксом, имел спортивный разряд и чувствовал себя вполне уверенно. – Не понимаю, о чём вы...

Машустин же был кандидатом в мастера по боевому самбо, до этого двенадцать лет входил в группу захвата, побывал во многих острых ситуациях и встречал разного сорта людей. Он сразу понял, что за фрукт перед ним.

Не дав мужчине договорить, участковый вырубил его одним ударом. Когда тот очнулся, продолжил избиение. Бил долго и методично, со знанием дела, чтобы не оставалось внешних следов и чтобы не довести до смертельного исхода.

– На, огрей его как следует, – сказал Машустин, устав от проделанной работы, и протянул другу резиновую дубинку. – Только не убей.

– Я... я не могу, – начал возражать Савелий. – Я в жизни не ударил ни одного человека. И тебе это прекрасно известно.

– Это необходимо. Бей!

– Он и так лежит. И еле дышит. Если его ещё...

– Бей, я сказал! Иначе я и тебя так отхожу!

Савелий приблизился к распростёртому на полу мужчине и осторожно дотронулся палкой до его живота.

– Это называется, ударил?! – прорычал милиционер. – А ну-ка ещё, да по-настоящему!

Выдохнув, Савелий шлёпнул чуть посильнее.

– Ай, молодца! – сказал, посмеиваясь, Мишустин. – Теперь мы оба...

– Участники преступления.

– Да ладно – какого преступления? Просто мы оба участники поучительно-исправительной процедуры. Профилактика ему на будущее, так сказать. Иной способ воздействия на таких хлюстов бесполезен. И ты же сам меня просил! Понял теперь, как надо их учить?!

– Понял, – уныло ответил Савелий, потрясённый ходом воспитательного мероприятия.

– Чаще всего женщина – слабое создание, – сказал капитан Фиреру, перед тем как уйти, – но это не значит, что у неё нет никого за спиной и никто не может прийти ей на помощь! В следующий раз хорошенько подумай о возможных последствиях, прежде чем гоняться ещё за какой-нибудь прелестницей, тем более пугать её убийством.

В результате полученной экзекуции любитель «клубнички» трое суток не мог встать с постели.

– Всё, можешь не беспокоиться – дело сделано, – сказал Савелий, когда Беллочка заглянула к нему вечером на огонёк. – Теперь Фирер будет тебя за километр обходить.

– Ой, спасибочко, Савелюшка! – Белла чмокнула кузена в подбородок.

– Если бы ты осталась с Серёжей Лазаревым, ничего такого бы не случилось и не пришлось бы прятаться от этой швали.

– Не вороши прошлое, братик. Серёжа – он как ребёнок. С ним было неинтересно.

– Зато с Фирером у тебя был большой-пребольшой интерес!

– Уф, кажется, чёрная полоса прошла! – воскликнула Белла, не отвечая кузену. – До чего же хорошо быть свободной – совершенно свободной!

Она зябко передёрнула плечами и с тем оставила его.

– Вот женщина, всё ей нипочём! – сказал Савелий, провожая сестру язвительным взглядом. – Словно кошка, выскочившая из-под дождя, – отряхнулась и пошла.

Отдохнув от Фирера, Беллочка Староконцева закрутила роман со следующим мужчиной, который своей достаточной умеренностью и хорошей техникой в сексе устраивал её самым наилучшим образом. Находясь в его объятиях, она слышала от него такие нежные слова, что от них кружилась голова! К ней даже начали приходить мысли о совместном будущем... Увы, скоро выяснилось, что он многодетный семьянин, у него красавица жена и в придачу пять любовниц. Быть седьмой в этом «оазисе любви» Белла не пожелала. И посему пустилась на поиски другого, более подходящего друга жизни.

В подобию гражданских браков она состояла ещё несколько раз. Не считая мимолётных связей, которые быстро забывались.

Белла Станиславовна искала человека с положением в обществе и хорошим достатком, с просторной квартирой, машиной и дачей, но почему-то на её женские уловки большей частью клевали только разные плуты и альфонсы.

Проходило не так много времени, и, в достаточной мере попользовавшись женским телом и прочими благами совместного обитания, очередной супруг неизменно отваливал в сторону. К тому же с увеличением количества прожитых лет, а также с появлением сеточки морщин на лице и избыточных жировых отложений в области бёдер и в других местах качество новых мужей стало неуклонно снижаться.

Сравнивая с былым, женщина всё чаще видела неосновательность сожителей, впадала в раздражение и, случалось, сама давала повод для очередного развода.

Ночью Ефимыч долго не мог уснуть, не переставая удивляться своим иллюзиям насчёт бывшей гражданской жены, которым предавался большую часть жизни. Лишь Яника оставалась для него тёплым светом в окошке. Только её ясный образ согревал ему душу.

Утром младшая Староконцева поехала провожать его на вокзал. Прежде чем зайти в вагон, Ефимыч обменялся с ней номерами телефонов.

– Знаешь, я так рада была увидеть тебя, – сказала Яника перед самым расставанием. – Я ведь, Серёжа, часто думала о нас тобой, снился ты мне много раз; в одном из снов мы даже чуть не обнялись. Ты мне так дорог...

У Ефимыча сжало горло, что-то дрогнуло в его сердце, и он едва сдержался, чтобы не заплакать.

– Приезжай к нам погостить, – сказал он, стараясь не показывать своей слабости. – У нас такая благодать, особенно весной и летом, да и осенью тоже. Для меня твой приезд был бы великим праздником.

– Может, и приеду. Если позовёшь... не шутя.

– Позову, не сомневайся. Созвонимся, спланируем и договоримся, когда и как.

Яника подставила ему щёчку, но Ефимыч, быстро нагнувшись, коснулся губами её белой лебяжьей шеи.

Он прошёл в своё купе. Поезд тронулся. Увидев в уплывающем окне знакомый силуэт, Яника махнула рукой. Последовал ответный жест. Затем, синхронно – два взаимных воздушных поцелуя.

Глава восьмая

Горничная

Воскресным утром Алексей Петрович выехал обратно в Петербург.

Проводив коллегу, Гудимов в очередной раз отправился осматривать дом, включая чердачные и подвальные помещения. В его распоряжении была увесистая связка ключей, и он проходил подряд одну комнату за другой, а также все кладовые и закутки.

Он уже заканчивал осмотр подвального этажа, когда до него донёлся непонятный шум сверху. Вроде бы брякнула кастрюля, и тут же Гудимов разобрал приглушённые потолочными перекрытиями слова известной песни:

Я прошу, целуй меня сладко,
Так сладко, как если бы ночь нам осталась одна!

Голос был явно девичий, только естественная природная мягкость в нём была переплетена с определённой долей напористости и категоричности интонаций.

Приволакивая больную ногу, бывший моряк поднялся из подвала и потащился в сторону кухни. Отворил не полностью прикрытую дверь, и... взору его предстала девушка лет двадцати двух, хлопотавшая возле газовой плиты, – довольно высокая, стройная и гибкая, как пружина. Одновременно она выполняла движения, напомнившие ему один из темпераментных южно-американских танцев. Какой именно – Николай затруднился бы сказать, но нечто подобное он видел на улицах Сальвадора в Бразилии.

Тебя отыскав, я боюсь потерять навсегда.

Пропела танцовщица завершающие слова куплета и, сделав последнее па, обернулась на звуки шаркающих шагов.

Гудимов столкнулся с палящим взором на задорном юном лице и словно увидел себя в отражении серых глаз – жалкого и немощного, вызывающего только глубокое сострадание.

Озорно улыбнувшись, девушка склонилась в изящном и слегка шутивом реверансе.

– Здравствуйте, сударь! – сладко протянула незнакомка. По груди рано постаревшего мужчины прокатилось благодатное тепло: всё же немалое это удовольствие – увидеть приятную, видную собой девушку, тем более увидеть неожиданно. Кроме того, было в ней что-то чрезвычайно близкое ему, уже встречавшееся прежде при каких-то экстравагантных обстоятельствах! Только где и когда эта необычная встреча и связанная с ней близость происходили? Он попытался напрячь память, но почти сразу же отказался от этой затеи – всё былое наглухо затёрли долгие годы проспиритованного существования.

Выдавлив из себя некое подобие улыбки, домоуправ поздоровался в ответ.

Они представились.

– Полина Смельчанова, – назвалась юная очаровательница и протянула ему руку.

– Полина Владимировна, значит, – сказал Гудимов, пожимая изящную женскую ладонь.

Со слов Алексея Петровича, он знал, что горничная – дочка управляющего усадьбой.

– По батюшке – перебор. Лучше – Полина. А можно – Поля. Лады?

– Пусть будет лучше...

– А вас как по имени-отчеству?

– Николай Фомич, если вам угодно. А можно – дядя Коля. Так проще.

Ещё один ответный взгляд; он различил в её взоре всё то же озорство и сочувствие. Девушке же во встреченном прищуре прочитался лишь обычный мужской интерес, возникающий при виде симпатичной женской особы, тот самый, который ей приходилось «отшивать» тысячу раз на дню. И этот старый карась туда же, куда и все остальные ловеласы.

– Значит, студентка, комсомолка, спортсменка и просто красавица, – проговорил Гудимов, удерживая на лице изображение радости. – И ещё танцовщица вдобавок ко всему.

– Всё правильно, кроме комсомолки, – девушка обнажила ровные жемчужные зубки, вероятно, таким способом показывая видимость удовольствия от встречи. – К счастью, ни в каких партиях и иных политических организациях, в том числе и молодёжных, не состою.

– Я тоже... не состою.

– И вы тоже? – Едконькая ирония возобладала над улыбкой. – Как же так? Разве в вашем возрасте можно без политических партий?

– Да вот... Я просто живу.

– Понятно. Извините, мне продолжить надо, – юная Смельчанова вернулась к кастрюлям. – Я приготовлю вам суп харчо. Не возражаете, нет? Ещё будет плов моего собственного рецепта. Уверю – это такая вкуснятина, язык проглотить! Уж не сомневайтесь! Кроме того, немного винегрета, две порции – на сегодня и завтра. А здесь... – повариха открыла дверцу холодильника. – Здесь сыр, боквурст, всякая зелень – петрушка, укроп, сельдерей. И свежие фрукты из томаринского сада. А вот там – очищенные грецкие орехи. Об их пользе вы, наверное, наслышаны.

– Боквурст? Это что такое?

– Это варёно-копчёные сардельки. Перед употреблением надо разогреть в кипятке. Думаю, с разогревом вы справитесь.

Показывая, где и что лежит, девушка непрестанно поворачивалась к домоуправу, и каждый раз они обменивались взаимными оценивающими взглядами.

– Поля, вы больно-то не старайтесь, я и сам неплохо умею готовить.

– Умеете, говорите! А ваша левая рука? Вон какая она у вас «ленивая». Как вам осилить с одной правой? Знаете, меня сразу предупредили, поэтому... Я и сыр тонко нарежу.

– Ничего резать не надо, – в голосе домоуправа прозвучала едва уловимая твёрдость. – Тот, кто предупредил вашу милость, плохо знает меня или не знает совсем. Говорю, что сумею и сыр нарезать, и яичницу приготовить, и со многим другим справиться.

Обменявшись с девушкой ещё несколькими словами, Гудимов прошёл в свою комнату, оттуда – на веранду и там, расположившись в кресле, закурил. По дороге он заглянул в большое зеркало, висевшее в коридоре, и увидел в нём седого сухоощавого старика с трёхдневной щетиной и взлохмаченной шевелюрой после ночного сна.

Да, старик... И не просто старик, а немощный старец. Это при его-то пятидесяти годочках! Что называется, приехали. Многим мужичкам в его возрасте не дают и сорока. А то и тридцати пяти.

– Не очень-то хороший вид у вас, господин домоуправ, – сказал он сам себе и мрачно насупись. Огромные клубы дыма выходили из него один за другим. – Можно даже сказать, что хуже некуда. Задрипанный какой-то вид. Девушке, наверное, противно было с вами разговаривать.

В кресле его забил глухой нескончаемый кашель, присущий многим заядлым курильщикам, с хрипами и долгими несмолкающими стонами в груди.

Лёгкие переполнены табачной сажой и никотином, потому и кашель. Да и откуда быть хорошему виду с такой гнилой чухалкой? Но отказаться от сигарет невозможно, исключено, это последняя радость для него; всё остальное в сем бренном мире – трын-трава, ничего не стоящее и не заслуживающее внимания.

Загасив окурок, Гудимов прошёл в ванную комнату и целый час полоскался под контрастным душем, пытаясь хоть как-то улучшить внутреннее равновесие и внешний вид.

Когда он вновь появился в кухонном помещении, перед Полиной Смельчановой предстал побритый, причёсанный и несколько посвежевший, но тем не менее всё тот же рано постаревший сухотелый мужчина весьма болезненной наружности.

Во второй половине дня, перед тем как покинуть Томарино, девушка записала номер телефона домоуправляющего.

– Позвоню, если надо будет, – пояснила она. – А вы скажете, что приготовить в следующий раз. И я подкуплю нужные продукты. Договорились?

– Конечно. Я подумаю, чем бы вас озадачить – как повара, разумеется.

Глава девятая

Констанца

Ночью, в минуты бодрствования, облик Полины Смелычановой периодически всплывал в сознании старого моряка. Её взгляд, выражение лица, мимика, за которыми угадывались плохо скрываемые жалость и сочувствие, были вполне понятны ему – подобные гримасы он, беспомощный калека, нередко встречал на улицах Петербурга.

Совсем не так смотрели на него представительницы прекрасного пола в былые времена, теперь уже далёкие-предалёкие. Образы смазливеньких коленопреклонённых дамочек и сеньорит, умолявших о внимании к себе, их страстные пылающие взоры проходили в памяти нескончаемой вереницей. Имена большинства «поросли травой забвения», но некоторые...

С Констанцей он познакомился в таверне «Пуэбло», что в Сан-Мигеле, пригороде Буэнос-Айреса.

Стояла страшная жара. В заведение штурман зашёл, чтобы только купить пачку сигарет и промочить глотку стаканчиком кашасы – белого полусладкого вина, – а затем продолжить путь в порт и подняться на борт «Посейдона», прибывшего в Аргентину с грузом электротехнического оборудования.

Молодая прехорошенькая дочь богатого скотовода из провинции Санта-Фе была одна с бокалом красного мальбека. Свободных мест было полно, но моряк попросил разрешения присесть за её столик.

Он был высок, строен, широк в плечах, от него веяло решительностью, силой и какой-то особой притягательной мужской магией.

Девушка благосклонно повела головкой сверху вниз. Они встретились взглядами, перемолвились несколькими словами на испанском, и этого хватило, чтобы их энергетические и психологические поля слились в единое целое.

Ночь молодые люди провели в дорогом отеле, где девушка сняла номер накануне. Ни до, ни после не доводилось Гудимову испытывать столь пылких и в то же время нежных объятий.

Констанца умоляла его остаться навсегда в Аргентине, говорила, что в их поместье – эстансии – для него непременно найдётся хорошая работа, они поженятся и будут жить в счастье и любви. Он отвечал, что подумает над её предложением, однако если и примет его, то не сегодня, так как дорожит своей морской службой.

По дороге в порт на Гудимова наскочили четверо крепких парней. У одного из них был кастет, у другого – нож гаучо с деревянной ручкой, способной удобно вмещаться в ладони. Ещё двое откровенно демонстрировали бейсбольную биту и стальной прут сантиметровой толщины.

Как моряк понял из краткого предисловия, предшествовавшего схватке, среди них был старший брат Констанцы, а также её поклонник – адмиралдор.

Он не помнил подробностей драки. Ему только пришлось пустить в ход всё своё умение рукопашного бойца, чтобы отбиться от нападавших с минимальными потерями. Вне всяких сомнений, у его противников был немалый опыт уличных баталий. Тем не менее закончилось тем, что все четверо молодчиков оказались на мостовой.

Кажется, у одного, самого ретивого, того самого адмиралдора, был проломлен череп, а у брата Констанцы – повреждена челюсть. И ещё hermano mayor, то есть старший братец, получил скользкое ножевое ранение в грудь. Двое других тоже лежали без движения.

Гудимов стоял над ними, сжимая в одной руке нож гаучо, а в другой – биту. «Спортивный снаряд» он сломал, воткнув конец его в решётку ограды, а нож стремительным замахом всадил в стену деревянного дома, сохранившегося от старинных времён.

Прихрамывая, Гудимов двинулся в сторону портовых сооружений. В голове гудело. Один удар битой по черепу он всё же получил. Мощная черепная коробка выдержала, но лучше бы этого удара не было. Над левым ухом вздувалась огромная бугровина, временами перед глазами начинал плыть серый зыбкий туман. От сотрясения мозга скорее всего. Ну и ноге досталось – посередине бедра. Это германо майор постарался. Угодил стальным прутот метровой длины.

Вечером на борт «Посейдона» поднялись полицейские. Было предъявлено требование о выдаче моряка, искалечившего двух человек. В ответ алыгвазйлы услышали, что «моряк, которого вы разыскиваете, ещё не вернулся с берега». Судно тщательно обыскали. На следующий день был проведён повторный обыск.

Гудимов действительно находился на берегу. Как только капитан узнал о результатах его драки с местными, он настоятельно посоветовал ему немедленно вновь отправиться в город и не возвращаться до самого отхода «Посейдона» из порта.

– У тебя есть местечко, где можно перекантоваться? – спросил капитан у молодого штурмана.

– Думаю, найдётся, – с беспечальной улыбкой ответил Гудимов.

– Герой, мать твою! – сказал несколько заведённый капитан. – Ты создаёшь нам проблемы.

– Мне некуда было деваться.

– Обязательно надо было связываться с этой мучачей?

– Она была неотразима. Я ничего не мог поделать с собой.

– Чёрт бы тебя побрал! Ладно, вали отсюда.

– Уже валю.

Он позвонил Констанце, и дочь скотовода с восторгом приняла предложение о новой встрече. Девушка сняла номер в другом отеле, где они и предавались любви в течение нескольких дней.

– Как здоровье твоего братца? – спросил моряк незадолго до расставания.

– Сломанная челюсть у Фернандо срастается, – ответила Констанца. – Лезвие ножа лишь скользнуло по рёбрам. Поделом ему, – она погладила моряка по щеке. – Повернись всё иначе, мы не были бы сейчас вместе.

– Что ты имеешь в виду?

– Они могли убить тебя.

– Ну, это вряд ли. Ладно, с братцем всё ясно. А как поживают его компаньерос?

– Двое обошлись без помощи врачей. Третий, Матиас, всё ещё в больнице, в реанимации. Карамба, в прошлом году он погубил свою девушку! Её звали Лусия. Она была единственной дочерью одной незамужней женщины. Этот тип выбросил её из окна второго этажа, она ударилась головой об асфальт и сломала себе шею. Полиция представила её смерть как несчастный случай, но всем известно, что это не так. Если Матиас останется инвалидом, то в какой-то степени Лусия будет отомщена.

– Как же он стал твоим адмиралдором?

– Кто стал моим адмиралдором?! Матиос?! Да я терпеть его не могу. И от кого ты услышал, что он мой? От Фернандо, да? Вот дурак, нашёл что сказать!

– Ты не очень-то высокого мнения о своём братце.

– Гм, не очень высокого! Во-первых, он известный пустобрех, во-вторых – лентяй, болтается в Буэносе, сам не знает зачем. В-третьих, он связался с этим негодяем Матиосом.

Уже прощаясь, Гудимов сказал, что скоро, может быть, месяца через три или четыре вновь приедет к Констанце. Нет, не будет никакой эстансии и никаких коров! Он заберёт её с собой в Россию, в Питер, где они и заживут той самой райской жизнью в любви и достатке, о которой она так мечтает. Уж должный достаток он обеспечить сумеет. Со временем он станет капитаном морского судна, и тогда оба они...

Ему действительно хотелось соединиться с ней брачными узами, и мысли об этом не покидали его весь обратный рейс. Однако время, расстояние и регулярное употребление больших порций алкоголя помешали ему сдержать данное слово.

Незаметно образ далёкой аргентинки стал как бы замыливаться. Общение с портовыми шлюхами ускорило этот процесс.

Спустя пять месяцев из Буэнос-Айреса в пароходство пришло письмо на его имя, года через полтора – другое. Во втором послании Констанца сообщила, что у неё родился мальчик, копия русского моряка, и что он растёт и развивается не по дням, а по часам и уже встаёт на ножки.

«Ему уже девять месяцев, – писала она. – Мне кажется, что он будет таким же большим и сильным, как и ты».

Сеньор Пара, её отец, поначалу впал в бешенство, возмущённый появлением у дочери внебрачного сына, но Констанца сказала ему:

– Ты хотел, чтобы у тебя появился достойный наследник, да?! Вот он, перед тобой. Тем не менее ты недоволен появлением маленького Николаса. Но что ты начнёшь говорить, когда он вырастет и превзойдёт тебя по всем статьям?! Уверена, ты будешь стыдиться, что попрекал меня моим малышом и выражал недовольствие его появлением. Ещё я уверена, заранее знаю – ему мало будет твоей эстансии и твоего коровьего стада, он окажется способным на куда более значимое! Поверь, я уж постараюсь, чтобы из него получился Человек с большой буквы. Я сделаю из него государственного мужа или великого учёного, и своими свершениями на благо людей он прославит весь наш род и всю нашу нацию.

Сеньор Пара сбавил обороты перед таким натиском, но всё же у него хватило мужества заговорить о средствах, которые он тратит на содержание дочери, и что хотя бы в связи с этим Констанце следовало бы вести себя с оглядкой на его мнение, то есть как порядочной девушке. И тут же пожалел о сказанном.

– По-твоему выходит, что я ещё и непорядочная! – с негодованием воскликнула Констанца. – Но тебе ли говорить о чести и достоинстве, когда чуть ли не каждую неделю ты отправляешься в Санта-Фе, якобы исключительно по делам, а в завершение поездки почему-то обязательно оказываешься в борделе мамы Лорены! Об этом знает вся округа и последний тротер – погонщик скота. Что касается моего содержания, не забывай – земля, на которой расположена твоя эстансия, принадлежала моей матери, и она завещала её мне. Не твоему ненаглядному лоботрясу, беспутному прожигателю жизни Фернандо, от которого нет и не будет никакого толку, а именно мне!

– Но твой моряк – он всего лишь сластолюбивый...

– Не смей говорить о нём в таком тоне! Тебе нас не понять – с твоей мелкой торгашеской душой! С моряком из России у меня была большая любовь, какая не каждому дана – далеко не каждому. Подумай об этом, прежде чем попрекать меня в следующий раз. Добавлю ещё, что жизнь не закончилась и, чувствую это, когда-нибудь я снова встречу с моим штурманом, пусть даже через десятилетия. Русский моряк был прислан мне самим Создателем, и я дожусь его.

Глава десятая

Фантастический сон

Весь наступивший день Гудимов провёл в мыслях об ушедших годах и опять-таки о женщинах, преимущественно заморских.

Кроме Констанцы вспомнилась Глоя из Сиднея. С ней ему тоже было до удивления хорошо, прежде всего психологически. Она была словно создана для него. Однако оба они понимали, что их встреча – не более чем эпизод, краткая вспышка света над тёмной бездной жизни, и что они непременно расстанутся навсегда, сохранив сердечную склонность друг к другу.

Глоя чувствовала себя одинокой и незащищённой, и он всегда жалел её.

Но, пожалуй, только с Констанцей у него заходила речь о женитьбе.

Он всё пытался представить себя в роли скотовода, хозяина южноамериканского поместья, раскинувшегося от горизонта до горизонта, но у него это плохо получалось; каждый раз его видения неизменно возвращались к бутылке вина и однообразным портовым путанам, чувства которых к нему исчезали сразу по истечении оплаченного времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.